ЮВЕНАЛЪ.

МІРОВАЯ УГРОЗА

ЭТАПЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
1921.

ЮВЕНАЛЪ.

МІРОВАЯ УГРОЗА

ЭТАПЫ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

№ 429

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
1921.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для общественнаго мнѣнія Европы фатальный ходъ русской революціи 1917 года, увѣнчавшейся большевизмомъ, долженъ представляться загадочнымъ и темнымъ.

Иностранецъ, не успѣвшій за отсутствіемъ достаточныхъ матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи изучить русскую революцію, долженъ поставить себѣ недоумѣнный вопросъ:

Какъ могла «великая безкровная россійская революція», предпринятая, какъ въ этомъ увѣряетъ русская революціонная демократія, во имя свободы и достиженія побѣды надъ германскимъ имперіализмомъ, привести Россію не къ свободѣ, а къ неслыханному деспотизму, худшаго изъ видовъ тираній—тираніи коллектива и не къ побѣдѣ, а къ Брестъ-Литовскому миру?

Очень распространеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ о возникновеніи въ Россіи большевизма служитъ утвержденіе, что большевизмъ оказался явленіемъ чисто наноснымъ, такъ сказать, продуктомъ заграничнаго ввоза. Схема этого традиціоннаго объясненія очень несложна: революція 1917 года была прекраснымъ, патріотическимъ и всенароднымъ дѣломъ, нужнымъ для общей побѣды надъ Германіей, но коварные нѣмцы задумали его испортить и использовать въ своихъ цѣляхъ. Они прислали въ запломбированныхъ вагонахъ сотню большевистскихъ агитаторовъ—и все рухнуло: фронтъ развалился, прекрасная революція померкла, Россія докатилась до Брестъ-Литовскаго мира и полнаго развала, а затѣмъ выродилась въ свирѣпую охлократію совѣтовъ.

Это очень наивное объясненіе, освѣщающее лишь узенькую частицу великой трагедіи.

Конечно, германскій генеральный штабъ старался использовать крайнихъ русскихъ революціонеровъ въ своихъ цѣляхъ—«для развала восточнаго фронта»; конечно, присланные въ запломбированныхъ вагонахъ большевики были не только идейными коммунистами, но и платными агентами германскаго штаба. Но если правда, какъ увѣряли дѣятели мартовской революціи, что революція 1917 года была сознательнымъ всенароднымъ дѣломъ, предпринятымъ во имя побѣды, которой, будто бы, мѣшалъ царскій режимъ съ его придворной «камарильей» германофиловъ, то какъ могли десятокъ—другой безвѣстныхъ пассажировъ запломбированнаго вагона въ нѣсколько недѣль испортить

сознательное всенародное дѣло великой революціи и обратить всю многомилліонную армію, да и всю Россію, за исключеніемъ маленькихъ группъ,—поголовно въ большевиковъ?

Что нибудь одно изъ двухъ тутъ должно быть исключено:

— Или присланные агитаторы—большевики, эти ничтожные анонимы, извѣстные только своей партіи да охранному отдѣленію, не смогли бы соперничать съ популярными революціонными вождями, призывавшими къ войнѣ до конца и ихъ жалкія потуги растворились бы во всенародной волѣ къ побѣдѣ...

— Или революція 1917 года была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ ее изображаютъ г.г. революціонеры передъ русскимъ обществомъ и передъ иностранцами и прежде всего не была революціей во имя побѣды и продолженія «войны до конца»,—и слѣдовательно, тогда разгадку большевизма слѣдуетъ искать не во внѣ, а внутри русскаго революціоннаго движенія,

I.

БЫЛА ЛИ РЕВОЛЮЦІЯ 1917 ГОДА ВОЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ?

Серьезнымъ оправданіемъ для революціи 1917 года, повлекшей за собой уничтоженіе Россіи какъ государства, было бы, если бы эта революція явилась в о е н н о й н е о б х о д и м о с т ь ю, опаснымъ, но единственнымъ остававшимся средствомъ, что бы достигнуть побѣды въ міровой войнѣ и устранить главное препятствіе въ лицѣ царскаго режима, лежавшее на пути къ этой побѣдѣ. Такъ это и изображалось въ началѣ революціи. Члены временнаго правительства, особенно Керенскій и Некрасовъ, въ мартѣ 1917 года торжественно возвѣстили и русской печати и иностраннымъ посламъ, что съ того момента, какъ главное препятствіе къ побѣдѣ русской арміи, царское правительство и дворъ посажены въ Петропавловскую крѣпость —путь для побѣды широкъ и свободенъ и русская революціонная армія освободившаяся отъ „закулисныхъ вліяній“, сокрушитъ нѣмцевъ.

Революціонная печать и члены временнаго правительства оффиціально заявляли, что за министрами царскаго режима, раскрылась цѣлая панама тягчайшихъ преступленій: сношенія съ противникомъ, умышленное замедленіе доставки снабженія въ армію, переговоры о сепаратномъ мирѣ и даже намѣреніе «открыть сѣверо-западный фронтъ

нѣмцамъ». Словомъ все, что можетъ быть наиболѣе тяжкаго въ области государственной измѣны, пособничества врагу и предательства, приписывалось старому правительству. Совершенно понятно, съ какимъ кипучимъ нетерпѣніемъ ожидало и русское общество и общественное мнѣніе заинтересованныхъ въ русскомъ фронтѣ европейскихъ странъ, раскрытія этой грандіознѣйшей панамы и безпощаднаго гласнаго суда надъ великими преступниками.

Подъ предсѣдательствомъ стараго революціонера московскаго присяжнаго повѣреннаго Муравьева нынѣ состоящимъ совѣтскимъ комиссаромъ была организована революціонно-слѣдственная комиссія, составленная не изъ простыхъ спеціалистовъ, а изъ такихъ людей, которые со спеціальными знаніями совмѣщали въ себѣ твердость испытанныхъ революціонеровъ, отъ которыхъ петропавловскимъ узникамъ нельзя было ждать ни малѣйшей поблажки. Составъ комиссіи былъ утвержденъ Керенскимъ, который объявилъ, что всѣ обвиняемые въ кратчайшій срокъ предстанутъ предъ гласнымъ народнымъ судомъ и что по отношенію къ нимъ собраны неопровержимыя улики о такихъ злодѣяніяхъ, отъ которыхъ „міръ дрогнетъ“. По этому же поводу предсѣдатель революціонно-слѣдственной комиссіи Н. К. Муравьевъ сдѣлалъ заявленіе петроградскому совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, что въ отношеніи царскихъ министровъ установлены уничтожающія улики и что «всѣ они пойдутъ на каторжныя работы».

Но прошло семь мѣсяцевъ... и никто изъ узниковъ Петропавловской крѣпости такъ и не былъ преданъ «гласному народному суду», за исключеніемъ генерала Сухомлинова, который былъ отданъ подъ судъ еще при императорскомъ правительствѣ и къ которому еще до революціи была примѣнена мѣра пресѣченія.

Дѣло Сухомлинова, несмотря на всѣ старанія прокурора Носовича, свелось къ обвиненію бывшаго военнаго министра въ неиспользованіи военныхъ кредитовъ, т. е. въ недостаточно быстромъ израсходованіи тѣхъ суммъ, которыя на нужды военнаго министерства съ такими скандалами и затрудненіями вотировала Государственная Дума. Это было единственное обвиненіе, которое было доказано въ этомъ процессѣ, отъ котораго ждали вскрытія какой то чудовищной панамы предательства и безчисленныхъ измѣнъ.

Но что же въ концѣ концовъ раскрылось отъ чего долженъ былъ «дрогнуть міръ» за другими мрачными государственными преступниками—Штюрмерами, Воейковыми, Протопоповыми и т. д.?

Предоставимъ отвѣчать фактамъ.

Штюрмеру было предъявлено обвиненіе въ томъ, что онъ израсходовалъ подвѣдомственныя ему казенныя деньги въ размѣрѣ 5000 р., хотя и на извѣстную вѣдомству цѣль— на покупку портсигара въ подарокъ одному иностранному дипломатическому представителю, но не предъявилъ на сей предметъ оправдательныхъ документовъ. Другихъ обвиненій къ Б. В. Штюрмеру, одному изъ самыхъ одіозныхъ министровъ стараго правительства, предъявлено не было. Мало того, послѣ смерти Штюрмера, здоровье котораго не вынесло „революціоннаго режима" Петропавловской крѣпости, Н. К. Муравьевъ заявилъ его вдовѣ г-жѣ Штюрмеръ слѣдующее: «Сударыня, я могу удостовѣрить, что относительно вашего покойнаго мужа установлена его полная невиновность во всѣхъ преступленіяхъ которыя ему приписывали. Дѣло о немъ будетъ прекращено». На это г-жа Штюрмеръ заявила, что она наоборотъ требуетъ постановки дѣла о ея покойномъ мужѣ на судъ, его гласнаго разбора и такимъ путемъ полной реабилитаціи его имени. Въ этомъ г-жѣ Штюрмеръ было отказано.

Графу Фредериксу было предъявлено обвиненіе въ служебномъ подлогѣ, состоявшемъ въ томъ, что онъ оффиціальнымъ письмомъ просилъ начальника дворцовой охраны принять на службу извѣстное ему лицо въ качествѣ повара, котораго просилъ откомандировать въ его распоряженіе. Но даже и это комическое обвиненіе оказалось вздорнымъ, по той простой причинѣ, что графъ Фредериксъ, какъ министръ двора, являлся прямымъ начальникомъ начальника дворцовой охраны и имѣлъ право приказать откомандировать къ нему на службу не только повара, но вообще любого служащаго. Другихъ обвиненій графу Фредериксу предъявлено не было.

Бывшему министру внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакову было предъявлено обвиненіе въ превышеніи власти, выразившимся въ томъ, что онъ въ то время, когда въ зданіи министерства происходила окраска стульевъ приказалъ выкрасить эмалью и стулья принадлежащіе лично ему, министру, на чемъ, по мнѣнію революціоннаго эксперта, страна и нація понесли убытокъ въ триста рублей. Другихъ обвиненій предъявлено не было.

Бывшему военному министру генералу Бѣляеву было предъявлено обвиненіе въ превышеніи власти и служебномъ подлогѣ, выразившемся въ томъ, что во первыхъ, онъ перевелъ нѣкоего солдата изъ одной части въ другую по просьбѣ Императрицы; во вторыхъ, что письменно обратился на одинъ изъ пограничныхъ пунктовъ съ просьбой не особенно безпокоить осмотромъ одну сестру милосердія лично ему извѣстную. Другихъ обвиненій не было.

Начальнику дворцовой охраны генералу Спиридовичу было предъявлено обвиненіе въ превышеніи власти, состоявшемъ въ томъ, что онъ откомандировалъ на службу въ императорскій поѣздъ нѣкоего парикмахера Павла. Другихъ обвиненій предъявлено не было.

Остальнымъ узникамъ Петропавловской крѣпости—И. Г. Щегловитову, генералу Воейкову, Бѣлецкому, Вырубовой, Орлову и другимъ не было предъявлено никакихъ точно обоснованныхъ обвиненій.

Мало того, въ іюлѣ 1918 года, главный помощникъ предсѣдателя слѣдственно-революціонной комиссіи московскій присяжный повѣренный Тагеръ, также нынѣ большевистскій комиссаръ, производившій дознанія по дѣлу царскихъ министровъ возвращая конфискованные у генерала Дубенскаго дневники заявилъ ему: «могу вамъ сообщить, генералъ, что ни одно изъ нашихъ обвиненій противъ чиновъ министерства двора не было доказано и ничѣмъ не было подтверждено, за исключеніемъ двухъ случаевъ превышенія власти: откомандированія повара въ распоряженіе графа Фрсдерикса и принятія на службу въ царскій поѣздъ парикмахера Павла».

Любопытенъ еще слѣдующій фактъ. Изъ 11 прокуровъ судебныхъ палатъ единственный не былъ уволенъ Керенскимъ въ отставку—это прокуроръ виленской судебной палаты Романовъ. Ему, какъ лицу, облеченному исключительнымъ довѣріемъ временнаго правительства Керенскій поручилъ произвести разслѣдованіе по дѣлу о Распутинѣ и всего что было связано съ именемъ Распутина, какъ относительно его близости къ Государынѣ, такъ и о злоупотребленіяхъ, о которыхъ ходила устная и газетная молва... Послѣ тщательнаго изученія всего слѣдственнаго матеріала г. Романовъ заявилъ, что ни единый фактъ слѣдствіемъ подтвержденъ не былъ несмотря на всестороннюю тщательность его производства. Самое слѣдствіе, какъ извѣстно, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было, хотя бы косвенныхъ уликъ доказательствъ было прекращено.

Большое возбужденіе въ обществѣ вызвали газетныя свѣдѣнія, уличная молва и даже заявленіе членовъ временнаго правит. о «дьявольскомъ планѣ» Протопопова, будто бы размѣстившаго на крышахъ домовъ, на церквахъ и другихъ мѣстахъ огромное количество пулеметовъ. Соучастниками Протопопова въ этомъ дѣлѣ называли генераловъ Хабалова и Глобачева. Возбужденіе народныхъ массъ, подстрекаемыхъ агитаторами и печатью было такъ велико, что отдѣльныя толпы ходили по городу, взбирались на крыши

домовъ, разыскивая пулеметы и сидящихъ за ними переодѣтыхъ «протопоповскихъ фараоновъ» (городовыхъ). Керенскій не разъ заявлялъ, что ему удалось обнаружить весь адскій замыселъ и скоро всѣ «враги народа», разстрѣливавшіе изъ пулеметовъ «женщинъ и дѣтей» предстанутъ передъ судомъ. Какъ упорно утверждали, пулеметы дѣйствительно оказались на разныхъ возвышенныхъ мѣстахъ. Наряжено было спеціальное слѣдствіе. Возбужденіе длилось 2 недѣли. И вдругъ все оборвалось, замолкло и все дѣло кануло въ Лету

Ни одинъ обвиняемый такъ и не предсталъ передъ судомъ и вся исторія была скомкана и замята и больше не вспоминалась революціонной юстиціей.

Что же могла означать такая странная забывчивость и разсѣянность со стороны революціонной юстиціи и самого Керенскаго, вдругъ оставившихъ въ небреженіи такое козырное, такое сенсаціонное дѣло?

А оказалось вотъ что.

По даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ за мѣсяцъ до революціи съ Путиловскаго завода исчезло 300 пулеметовъ, приготовленныхъ къ отправкѣ на фронтъ. Эти пулеметы были похищены революціонными заводскими ячейками на случай вооруженныхъ выступленій. Когда началась экономическая забастовка рабочихъ (23 февраля ст. ст. 1917 г.) и охватила почти всѣ фабрично-заводскія предпріятія, то распоряженіемъ градоначальника и главнокомандующаго войсками Петроградскаго округа охрана города была передана въ руки петроградскаго гарнизона, городъ былъ раздѣленъ на сектора и каждый секторъ ввѣренъ воинской части, полиція же была снята и придана къ этимъ воинскимъ частямъ.

Когда въ рабочія массы были брошены политическіе лозунги, и толпа двинулась къ Таврическому дворцу, эти пулеметы вожаками рабочихъ были разставлены и притомъ весьма неумѣло на крышахъ и въ разныхъ мѣстахъ на случай упорства войскъ въ отстаиваніистараго режима, такъ какъ руководители революціоннаго движенія помнили неудачу 1905 года.

Къ 27-му февраля выяснилось, что войска не оказываютъ сопротивленія. Пулеметы были брошены на произволъ судьбы, ими завладѣли хулиганы, производившіе безпорядочную стрѣльбу.

Исполнительный комитетъ Г. Думы во главѣ съ Керенскимъ 2 недѣли упорно старался найти городовыхъ-пулеметчиковъ и связать дѣло о пулеметахъ со старой администраціей.

Обнаружить виновнаго было очень легко. На каждомъ пулеметѣ есть номеръ, годъ изготовленія и названіе завода, по которымъ легко было опредѣлить кому былъ выданъ пулеметъ.

Производившій слѣдствіе о пулеметахъ слѣдователь Колонтаевъ легко убѣдился, что эти пулеметы н и к о м у н е б ы л и в ы д а н ы, а были похищены.

Кромѣ этого не было найдено ни одного человѣка принадлежащаго къ полиціи, который стрѣлялъ бы изъ этихъ пулеметовъ.

На этомъ слѣдствіе и закончилось. Ни Протопоповъ, ни генер. Балкъ, Хабаловъ и Глобачевъ такъ и не предстали обвиняемыми въ этомъ дѣлѣ.

Такимъ трагикомическимъ образомъ рухнула легенда о грандіозныхъ измѣнахъ, о подготовкѣ сепаратнаго мира, о предательствѣ и чудовищныхъ злоупотребленіяхъ агентовъ царскаго правительства, о которыхъ столько трубили мартовскія брошюрки и газеты и о которыхъ, пылая благороднымъ гнѣвомъ, возвѣщали urbi et orbi Керенскій, Муравьевъ, Некрасовъ и другіе революціонные вожди. Пресловутая «придворная камарилья», которой приписывали мрачный заговоръ «противъ арміи и народа», оказалась глупой выдумкой, сплетней уличнаго листка. Вмѣсто ожидаемой картины «неслыханныхъ злодѣяній, отъ которыхъ долженъ былъ содрогнуться міръ», фигурировали просьбы о присылкѣ повара или парикмахера, выкрашенные за счетъ казны стулья министра и т. п. мелкія житейскія дрязги.

Провалъ инсценированный революціонными антрепренерами мелодрамы «Злодѣянія старой власти» былъ столь полнымъ и столь позорнымъ, что изъ революціонно-слѣдственной комиссіи, этой первой мартовской «чрезвычайки», стало бѣжать все, что въ ней было наиболѣе честнаго и совѣстливаго. Такъ вышелъ изъ состава Комиссіи сенаторъ Завадскій, за нимъ ушли еще нѣсколько почтенныхъ юристовъ, наконецъ и Родичевъ не выдержалъ и сбѣжалъ. И въ мартовской чрезвычайкѣ остались только безпринципные авантюристы отъ революціи изъ теплой компаніи Керенскаго.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны совершенно отпадаетъ версія, будто бы революція 1917 года явилась военной необходимостью, единственнымъ средствомъ для арміи порвать опутавшую ее паутину измѣны и предательства Но отпадаетъ она и съ другой стороны, такъ какъ сказать, со стороны внѣшней. Послѣ революціи 1917 года были сдѣланы заявленія въ Англійскомъ Парламентѣ и во Французской Палатѣ Депутатовъ (г. Рибо) о томъ, что низложенный Государь былъ всегда вѣрнымъ союзникомъ Дер

жавъ Согласія и Россія до революціи 1917 года оставалась одной изъ главныхъ силъ антигерманской каолиціи. Окидывая бѣглымъ взглядомъ военное положеніе и состояніе Россіи за періодъ великой войны до революціи 1917 года,— можно констатировать слѣдующее:

1. Россія, подобно и другимъ странамъ Согласія, оказалась недостаточно подготовленной къ этой небывалой, превзошедшей всѣ масштабы, войнѣ. Однако, неподготовленность Россіи по сравненію съ другими союзниками все же представляется меньшей. Русская дореволюціонная армія, безпрерывно наступая, въ первую четверть войны прошла всю Галицію, ворвалась въ Восточную Пруссію и катастрофой подъ Сольдау выручила французовъ. Великобританія вовсе не имѣла сколько-нибудь значительной сухопутной арміи и создала ее во время войны, проведя законодательнымъ порядкомъ законъ о всеобщей повинности. Съ точки зрѣнія военныхъ дѣйствій Россія оказалась подготовленнѣе своихъ союзниковъ, ибо первымъ условіемъ военной подготовленности является мобилизація —этотъ страшный экзаменъ всей націи, гдѣ проявляется и личная распорядительность начальниковъ, и работоспособность военнаго механизма, и напряженіе всѣхъ силъ государства. Этотъ экзаменъ Россійская Имперія выдержала блестяще, осуществивъ мобилизацію на 6 дней скорѣе самыхъ осторожныхъ разсчетовъ германскаго генеральнаго штаба. Теперь уже стало извѣстнымъ, что благодаря быстротѣ русской мобилизаціи удалось вторженіе русскихъ армій въ Восточную Пруссію, спасшее Францію отъ безусловнаго разгрома на второй же мѣсяцъ войны.

2. Поставленные въ началѣ кампаніи прогнозы относительно длительности войны оказались ошибочными, при чемъ ошибались не только русскіе спеціалисты и военные писатели, но и иностранные (за исключеніемъ развѣ англичанъ), и большинство изъ нихъ сходилось во мнѣніи, что міровая война продлится всего четыре-пять мѣсяцевъ.

Расходъ снарядовъ въ эту войну былъ для военной науки явленіемъ совершенно новымъ и засталъ врасплохъ всѣ страны, особенно Францію. Въ дни лодзинскихъ боевъ только около Лодзи воюющими было выпущено снарядовъ болѣе, чѣмъ за всю русско-японскую кампанію и русскими и японцами. Вполнѣ естественно, что по прошествіи извѣстнаго срока и въ Россіи оказался недостатокъ въ снарядахъ и оружіи, при чемъ онъ былъ впослѣдствіи восполненъ заказами, сдѣланными военнымъ министерствомъ.

3. За время войны въ состояніи вооруженныхъ силъ Россіи обнаруживались различные дефекты. Однако, эти дефекты не носили характера специфическихъ условій тог-

дашняго русскаго строя, а были тѣми недочетами и недостатками, которые въ разной мѣрѣ обнаруживались въ арміяхъ и въ военномъ дѣлѣ другихъ воюющихъ государствъ. Если были отдѣльные случаи шпіонства или измѣны, то таковыя неизбѣжны во всякой арміи съ первой человѣческой войны, но, какъ видно по результатамъ работъ революціонно-слѣдственной комиссіи, никакой грандіозной панамы ни въ одномъ изъ вѣдомствъ обнаружено не было.

4. Уже въ 1916 году недостатки снаряженія и снабженія въ русской арміи были восполнены въ размѣрѣ, даже превышающемъ боевую потребность. Такъ, на юго-западномъ фронтѣ, на которомъ было сосредоточено 10 корпусовъ, въ 1916 году снабженіе снарядами достигло слѣдующей цифры: доставка 40 тысячъ снарядовъ ежедневно на каждый корпусъ. Неудивительно поэтому, что нынѣ, черезъ четыре года непрекращающихся военныхъ дѣйствій и несмотря на разруху, большевики все еще не могутъ исчерпать военныхъ запасовъ, заготовленныхъ для старой Императорской арміи.

Какъ теперь единогласно признано военными авторитетами—русскими и иностранными—и было засвидѣтельствовано покойнымъ генераломъ Алексѣевымъ,—къ началу 1917 года русская армія была во всеоружіи боевой готовности, всѣ сколько-нибудь значительныя военныя операціи и перегруппировки войскъ принимались не иначе, какъ послѣ согласованія ихъ съ общесоюзнымъ планомъ и послѣ стратегической разработки Верховнымъ Союзнымъ Военнымъ Совѣтомъ въ Парижѣ; весной же должно было начаться общее наступленіе всѣхъ союзниковъ, которое неминуемо должно было завершиться разгромомъ германской коалиціи.

Численность русской арміи была доведена до грандіозной цифры. Къ моменту переворота подъ ружье было призвано до 15 милліоновъ человѣкъ.

Если бы не было революціи, мы бы лѣтомъ 1917 года побѣдно закончили войну.

II.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПСЕВДОКЛАССИЦИЗМЪ.

Въ историческомъ смыслѣ совершенно безразлично, чего хотѣли русскіе революціонеры, подготовляя и устраивая переворотъ 1917 года. Если среди нихъ оказалось множество явныхъ негодяевъ «пораженцевъ», предателей и

измѣнниковъ, то, конечно, были въ ихъ станѣ и наивные люди, мечтавшіе о томъ, что революція, устроенная во время величайшаго напряженія всѣхъ силъ государства, втянутаго въ огненную орбиту небывалой войны, можетъ привести къ побѣдѣ и процвѣтанію націи.

Для судебъ Россіи не важно, ч т о именно ее погубило въ 1917 году—г л у п о с т ь и л и и з м ѣ н а р е в о л ю ц і о н е р о в ъ.

Для русскаго историка важно лишь то, что революція явилась той д ы р о й в ъ п р е и с п о д н ю ю, черезъ которую огромное и мсгучее Государство Россійское провалилось въ большевистскій адъ.

Вдумчивые русскіе люди, настоящіе патріоты, всегда полагали, что революція принесетъ Россіи только разрушеніе, море крови и анархію. Недостатка въ предостереженіяхъ не было. Величайшіе русскіе писатели и мыслители осуждали дѣятельность революціонеровъ и предсказывали, что въ революціи придетъ гибель и смерть Россіи. Пушкинъ молилъ Бога, чтобы Онъ не далъ ему дожить до революціи и увидѣть «русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный». Владиміръ Соловьевъ называлъ Императора Николая I-го, наиболѣе круто обращавшагося съ революціонерами, великимъ государемъ и патріотомъ. Левъ Толстой въ 1905 году рѣзко осудилъ дѣятельность революціонеровъ. Достоевскій провидѣлъ русскую революцію именно въ большевистскихъ, безбожныхъ «бѣсовскихъ» очертаніяхъ.

Одно изъ самыхъ роковыхъ заблужденій—это пытаться создавать революціи по заранѣе опредѣленному плану и одобренному образцу. Маневры и парады и то не всегда удаются по «диспозиціи», ибо въ нихъ дѣйствуютъ, хотя и спеціально дисциплинированные, но все же живые люди, и возникаютъ всевозможныя непредвидѣнныя случайности. Революціонное движеніе, охватившее широкія народныя массы,—это стихія. Предписать революціонной стихіи извѣстныя утвержденныя формы—невозможно. Революція въ каждой націи сама опредѣляетъ свои формы, которыя можно предвидѣть и предугадывать, но которыми, послѣ того какъ революція вызвана къ жизни, нельзя руководить и измѣнять ихъ по теоретическому плану. Раскрытіе формъ революціи происходитъ не сразу. Революціи могутъ начаться изъ-за любого предлога, но это еще не раскрываетъ ихъ подлинной сущности, которая выявляется гораздо позднѣе, когда первоначальный предлогъ, первый титулъ революціи уже презрѣнъ и забытъ.

Революція 1917 года является замѣчательнымъ образцомъ внутренней антиноміи, глубочайшаго противорѣчія между первоначальной формой—такъ сказать, титуломъ

революціи—и ея содержаніемъ. Въ то время, какъ члены прогрессивнаго думскаго блока, земскіе и городскіе дѣятели, московскіе промышленники и другіе устроители мартовскаго переворота были увѣрены (иные дѣлали видъ, что увѣрены), что они организуютъ революцію для продолженія войны съ нѣмцами, «до побѣднаго конца»,—народно-солдатская масса пошла за ними въ революцію т о л ь к о п о т о м у, что видѣла въ ней единственную возможность выхода изъ опостылѣвшей безконечной войны.

Итакъ, титулъ революціи былъ—«революція для побѣды», а актуальное содержаніе—«за немедленный миръ». Въ этомъ противорѣчіи сказалась вся классическая «безпочвенность» нашей интеллигенціи, ея полное невѣдѣніе русскаго народа. Русскій интеллигентъ такъ и остался неизмѣннымъ со временъ Щедрина «иностраннымъ консуломъ» среди русскаго народа. Даже въ революціи, произведенной якобы во имя народа, интеллигенція такъ и не поняла психологіи народныхъ массъ, не поняла, п о ч е м у и з а ч т о и м е н н о народъ примкнулъ къ революціонному движенію.

Добольшевистскій періодъ революціи является искусственной формой, которую пытались навязать вызванной ими на волю революціонной стихіи доктринеры и теоретики революціи.

Это—ложноклассическій періодъ русской революціи.

Все въ немъ лживо, напыщенно и эфемерно. Сверху до низу полонъ онъ противорѣчіями, отъ которыхъ рушится всякое начинаніе нашихъ «первыхъ народныхъ министровъ», натуживающихся изо всѣхъ силъ, чтобы скопировать классическій французскій образецъ. Лживость и фальшь являются особенно характерными чертами эпохи русскаго революціоннаго псевдоклассицизма. Со лжи онъ начинается, ложью и кончается. Первая телеграмма Родзянки, возвѣстившая всей Россіи и фронту о томъ, что „отнынѣ вся полнота власти въ странѣ принадлежитъ исполнительному комитету Государственной Думы“, вмѣстѣ съ тѣмъ и первая оффиціальная ложь. Прежде всего въ тѣ весенніе дни никому рѣшительно „вся полнота власти“ въ Россіи не принадлежала и уже менѣе всего комитету государственной думы, который былъ только фикціей и жалкой игрушкой въ рукахъ петроградскаго совѣта рабочихъ депутатовъ.

Ложью были увѣренія, сдѣланныя членами временнаго правительства союзнымъ посламъ о томъ, что будто бы революціонная русская армія болѣе чѣмъ когда либо готова къ бою и «рвется разгромить нѣмцевъ», ибо тотчасъ послѣ переворота начался вихревой развалъ фронта и тыла: Пет-

роградскій и Кронштадскій гарнизоны—эта „краса и гордость революціи“ въ первую очередь отказались выступить на фронтъ; началось ничѣмъ не удержимое дезертирство, возраставшее съ каждымъ днемъ и принявшее размѣры подлинной самодемобилизаціи арміи, анархическимъ путемъ приводившей себя на мирное положеніе. Наглой ложью являлось бахвальство «великой безкровной революціей», ибо съ самаго марта 1917 года начались по всей Россіи кровавыя расправы, погромы помѣщичьихъ усадебъ, совершились убійства адмираловъ Вирена и Непенина, звѣрское избіеніе офицеровъ на «Петропавловскѣ», въ Гельсингфорсѣ, въ Кронштадтѣ и въ Выборгѣ, налеты матросскихъ шаекъ на частныя квартиры, сопровождающіеся разстрѣломъ обывателей и грабежами и, наконецъ, дикіе самосуды толпы надъ уличными ворами.

Всѣ страницы «великой безкровной россійской революціи» положительно слиплись отъ крови, и много пройдетъ еще временъ пока будутъ выяснены и оглашены хотя бы частью имена умученныхъ и убіенныхъ.

Какъ и полагается ложноклассическому дѣйству, мартовскій періодъ революціи сопровождался безконечной, нудной и напыщенной болтовней. Отверзлись хляби всеобщей безудержной, пустопорожней риторики. Врали, кривлялись (Керенскіи), вскакивали на столы и бахвалились (Некрасовъ) министры временнаго правительства въ безчисленныхъ засѣданіяхъ, комиссіяхъ, совѣщаніяхъ и предпарламентахъ. Несли утомительную чепуху ораторы на митингахъ у памятника Пушкина въ Москвѣ и на Марсовомъ полѣ въ Петроградѣ. Ложь и пустословіе печати достигли невиданныхъ размѣровъ. Газеты превратились въ дворовую челядь революціи, кадили фиміамы передъ «великой безкровной» грубо льстили политическимъ авантюристамъ въ родѣ Керенскаго, котораго газетки этой эпохи величали «первымъ любовникомъ революціи» и нагло врали, увѣряя, что Россія вступила на путь славы и государственнаго расцвѣта, — это въ то время—то, когда Россія, какъ государство, расползлась по всѣмъ швамъ и превращалась въ кровавый хаосъ. Изъ вороха законодательной болтовни временнаго правительства будущій историкъ съ трудомъ выудитъ, можетъ быть, два самостоятельныхъ и новыхъ закона: это законъ о равноправіи евреевъ и... законъ объ отмѣнѣ буквы ѣ. На этомъ законодательное революціонное творчество себя окончательно истощило и всѣ остальные акты носятъ характеръ произвольныхъ распоряженій, которыя сегодня издаются, а завтра отмѣняются, не внося рѣщительно ничего въ жизнь страны. Эта эпоха ознаменовалась великимъ растлѣніемъ нравовъ. Въ городахъ пышно распустился улич-

ный эросъ, открылись притоны курильщиковъ опіума и гашиша, революціонные молодые люди вооружились зарядами откуда то появившагося въ обильномъ количествѣ кокаина, открылись клубы «эстетовъ» для гастрономовъ любви; революціонные матросы, нарумяненные и декольтированные стали на Невскомъ и Морской конкурировать со жрицами ночи и одна изъ такихъ сценъ увѣковѣчена въ «Сатириконѣ» того времени. Спекуляція охватила все и всѣхъ. Продавали одежду и продовольствіе, предназначенное для фронта, продавали дома бывшихъ министровъ, заключенныхъ въ Петропавловку, (такъ за безцѣнокъ въ іюнѣ 1917 года былъ скупленъ и перепроданъ спекулянтомъ Песисомъ домъ Щегловитова, при содѣйствіи одного изъ членовъ временнаго правительства); продавали рѣдкости изъ Эрмитажа и драгоцѣнности—выкраденныя изъ дворцовъ, продавали архивы Сената, Министерства Двора и Имперагорской Академіи.

Солдаты и инвалиды занялись торговлей папиросъ, вина и пикантныхъ открытокъ на улицахъ и это можетъ быть является самой характерной чертой разложенія нашей арміи: прямо изъ окопа революціонный солдатъ-гражданинъ берется за торговлю и становится спекулянтомъ.

Въ пресловутой милиціи взяточничество становится поголовнымъ и откровеннымъ и достигаетъ такого цинизма и простоты, какіе никогда не снились самому залихватскому взяточнику изъ старыхъ приставовъ: такъ, напримѣръ, съ московской купчихи Абрикосовой милиція, во главѣ которой стоитъ революціонный помощникъ присяжнаго повѣреннаго, за уборку снѣга требуетъ пять тысячъ рублей, грозя, въ противномъ случаѣ, обвинить ее въ контръ-революціи.

Вмѣсто широко возвѣщенныхъ гражданскихъ свободъ, уничтоженія административнаго произвола и введенія, какъ это было обѣщано во всѣ функціи государства „началъ строжайшей законности“,—съ самаго марта 1917 года въ русской жизни воцарился еще небывалый произволъ и „административное усмотреніе“, являвшіеся зачатками будущихъ методовъ большевистскаго управленія.

По отношенію къ свободѣ печати временное правительство начало съ того, что внѣ всякаго судебнаго порядка закрыло всю консервативную печать, конфисковало типографіи, при чемъ эта „конфискація“ нерѣдко сопровождалась самымъ безцеремоннымъ ограбленіемъ редакцій Такъ закрыты были газеты: «Голосъ Руси», «Земщина», «Курская Быль», „Русское Знамя“, „Фонарь“, „Новые Дни“, „Казанскій Телеграфъ“, „Новое Время„, „Гражданинъ“, „Волга“, „Колоколъ“ и т. д. Тѣ изъ сотрудниковъ и редакторовъ консервативной печати, которымъ не удалось бѣ-

жать были тѣмъ же внесудебнымъ порядкомъ арестованы и заключены въ тюрьму. Такъ были арестованы В. М. Скворцовъ, Дубровинъ, Полубояринова, Злотниковъ, Никольскій, Глинка—Янчевскій и др.

Нѣкоторые изъ арестованныхъ правыхъ писателей безъ суда и слѣдствія такъ и остались въ тюрьмѣ и были переданы, такъ сказать съ рукъ на руки большевикамъ, которые ихъ разстрѣляли.

Однако все это было продѣлано только по отношенію къ патріотической правой печати, съ которыми шайка Керенскаго—Некрасова-Муравьева могла свести счеты, а по отношенію къ коллегамъ слѣва къ большевистскимъ «Окопнымъ Правдамъ», «Соціалъ — Демократу» и др. временнымъ правительствомъ была проявлена изумительная терпимость и „уваженіе“ къ свободѣ слова.

III.

УЧРЕДИЛКА.

До наибольшаго цинизма дошелъ произволъ и политическое давленіе во время выборовъ въ новыя земства и пресловутое «Учредительное Собраніе». Такъ какъ вся консервативная печать была закрыта, а правые дѣятели либо сидѣли въ тюрьмѣ, либо вынуждены были скрываться, то цѣлая часть населенія національно мыслящая и видѣвшая, въ какую пропасть революція тащитъ за собой Россію,—вовсе лишилась всякаго голоса. Положеніе русскаго патріота было въ эти трагическіе дни самымъ тяжелымъ: либо голосуй за патентованныхъ авантюристовъ революціи, за каторжниковъ, предателей и измѣнниковъ,—либо не голосуй совсѣмъ. Немудрено поэтому, что къ избирательнымъ урнамъ явились подонки населенія. Такой же кризисъ происходилъ и въ русской деревнѣ. Яркое описаніе этой эпохи мы находимъ у писателя Наживина: «Газеты—повѣствуетъ г. Наживинъ—съ первыхъ дней революціи всячески выхваляли новыхъ общественныхъ дѣятелей, печатая ихъ біографіи, разсказывая, какъ тотъ пробылъ за народъ 15 лѣтъ въ каторгѣ, а этотъ 10 лѣтъ въ тюрьмѣ, а тотъ былъ сосланъ». Надо при этомъ замѣтить, что большинство бывшихъ тогда въ модѣ, «революціонныхъ каторжниковъ» попало въ тюрьму и на каторгу не за политическія преступленія, а просто за уголовныя. Наиболѣе значительный процентъ среди этихъ «узниковъ за народъ» представляли изъ себя «экспропріаторы», то есть просто грабители и бандиты, въ свое время ограбившіе казенную винную лавку, банкъ или частный магазинъ. Настоящіе «политическіе» въ

родѣ Вѣры Фигнеръ и Брешко-Брешковской были на перечетъ, съ ними безъ конца возились и ихъ демонстрировали на каждомъ шагу. Съ наступленіемъ «керенщины» каждый уголовный каторжникъ поспѣшилъ объявить себя «политическимъ мученникомъ за убѣжденія», и въ результатѣ вся каторга и всѣ уголовныя тюрьмы опустѣли и ихъ недавніе обитатели оказались на свободѣ въ роли особо привиллегированныхъ гражданъ и наполнили своими персонами совдепы и всякія революціонныя комиссіи. «Въ народномъ сознаніи», говоритъ Наживинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «это неожиданно преломилось въ мысль, что Россіей правятъ теперь каторжники. И мужикъ съ опаской глядѣлъ въ темное будущее и все больше и больше хмурился... Лучшая часть крестьянства все болѣе и болѣе отходила въ сторону.

«Когда были назначены у насъ выборы въ новое волостное земство, къ «урнамъ» явилось всего 3 процента населенія. Хулиганы, заправлявшіе у насъ теперь общественной жизнью, распустили слухъ, что если на повторные выборы кто не придетъ, тотъ будетъ оштрафованъ на 25 рублей. На выборы собралось 15 проц., выбрали, конечно, этихъ же самыхъ хулигановъ, а выбравъ тотчасъ же начали ругать и ихъ и земство вообще и самихъ себя и грозили «все разнести».

Въ результатѣ въ учредительное собраніе прошла махровая рвань. Тутъ былъ цѣлый букетъ изъ худшихъ инородческихъ элементовъ, деревенскіе хулиганы, главари соціалъ-бандитскихъ шаекъ, всевозможные авантюристы. *Если можно сказать, что большевики сдѣлали хоть одно хорошее дѣло для Россіи, такъ это было то, что они разогнали весь сбродъ «учредилки».* Впрочемъ впослѣдствіи члены учредилки отлично спѣлись съ большевиками и пошли къ нимъ на службу. Краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ слѣдующая телеграмма уже относящаяся къ 1919 году, т. е. къ тѣмъ временамъ когда большевизмъ явилъ всему міру свой свирѣпый режимъ кровавыхъ чрезвычаекъ, разстрѣловъ и неслыханнаго деспотизма.

„1919 г. Одесса 4/XI — Руссагенъ. Перехваченное здѣсь совѣтское радіо сообщаетъ о все растущемъ сближеніи между большевиками и соціалистами другихъ толковъ, не исключая и правыхъ эсъ-эровъ. Это сближеніе происходитъ, въ виду общей угрозы «завоеваніямъ революціи». На собраніи членовъ партіи эсъ-эровъ въ Москвѣ, группирующейся вокругъ издательства «Народъ» постановлено содѣйствовать красной арміи и мобилизовать для политической работы въ рядахъ красно-

армейцевъ слѣдующихъ видныхъ эсъ-эровъ: Березовскаго, Васильева, Семенова, Дашевскаго, Дешеваго, Ратнера, Свѣтицкаго, Шмелева. Примѣчательно, что мобилизованные для борьбы съ Деникинымъ эсъ-эры были членами комитета учредительнаго собранія и вели въ свое время борьбу съ совѣтскимъ правительствомъ. Шмелевъ и Березовскій командруются на восточный фронтъ со спеціальнымъ порученіемъ мобилизовать эсъ-эровскіе элементы, оставшіеся отъ «фронта учредительнаго собранія»".

Любопытна та оцѣнка, которую даетъ «Учредительному Собранію» одинъ изъ его членовъ, соціалистъ-революціонеръ Огановскій, товарищъ Чернова въ своемъ «Дневникѣ члена Учредительнаго Собранія».

«Дневникъ» изложенъ весьма объективно, а имя автора и его партійная принадлежность исключаетъ мысль о какихъ нибудь злостныхъ реакціонныхъ намѣреніяхъ со стороны г. Огановскаго.

«Тоска,—говоритъ Огановскій,—сѣрая тоска на лицахъ и отчетливое сознаніе, что нѣтъ людей». «Мы всѣ такіе маленькіе, а событія такъ громадны»... „У партій «все въ прошломъ», и фракція оживляется только тогда, когда начинаются воспоминанія о... наиболѣе яркихъ и удачныхъ террористическихъ актахъ". «Но чѣмъ свѣтлѣе рисуется прошлое, тѣмъ мрачнѣе кажется настоящее, когда нѣтъ и не будетъ героевъ, потому что они сейчасъ не нужны, а главенствуютъ массовыя движенія безликихъ толпъ».

Въ «Учредительномъ Собраніи» повѣствуетъ дальше г. Огановскій «не было Россіи, ея страданій безмѣрныхъ, ея нуждъ и стремленій. Была одна лишь партійная ревность и партійная склока. Какъ бы переплюнуть большевиковъ,—вотъ лозунгъ, который выставлялся какимъ то «яркимъ, талантливымъ ораторомъ», и который разбивалъ всѣ противоположные доводы. Этотъ лозунгъ принимался и бюро фракціи, да и большинствомъ фракцій вообще». «Крестьяне учредиловцы—разсказываетъ г. Огановскій,—ничѣмъ не интересовались, кромѣ безплатнаго надѣленія землей и инвентаремъ». Эсъ-эры, считающіе себя сверхъ-спеціалистами по крестьянскому дѣлу получили въ учредилкѣ отъ крестьянъ большой конфузъ. И вотъ какъ это случилось. По разсказу г. Огановскаго въ засѣданіи учредительнаго собранія лѣвые эсеры выпустили «почтеннаго пожилого крестьянина на костыляхъ». Они выбрали самаго надежнаго и хорошо распропагандированнаго. А онъ вышелъ на кафедру и, что называется бухнулъ во всѣ коло-

кола: «у насъ крестьянъ нѣтъ разницы между партіями. Партіи борятся за власть, а наше мужицкое дѣло одна земля». Отъ этой неожиданности говоритъ авторъ, «лѣвые растерялись, а наши крестьяне воспрянули».

Руководящую роль въ учредилкѣ играла эсъ-эровская фракція.

Картина состоянія фракціи (газета «Руль» № 48), которую рисуетъ г. Огановскій, поистинѣ потрясающая. Центральное мѣсто въ картинѣ занимаетъ Викторъ Черновъ «провинціальный трагикъ», какъ его называетъ г. Огановскій,—ничѣмъ не стѣсняющійся, но умѣющій раздирать страсть въ клочки». Онъ на всѣ руки мастеръ и патріотъ и пораженецъ, его признаютъ своимъ пророкомъ лѣвые эсеры, которые по словамъ Огановскаго «превзошли въ мастерствѣ іудина ремесла самыхъ многоученыхъ и многоопытныхъ мерзавцевъ въ мірѣ».

Когда Чернову пришлось произнести «отвѣтственнѣйшую изъ отвѣтственныхъ рѣчей»—какъ выражается г. Огановскій,—то г. Черновъ далъ «какія то акробатическія упражненія на лозунгахъ большевиковъ. Тупымъ ножомъ по сердцу рѣзали восхваленія Циммервальда, интернаціоналистическихъ устремленій, игра въ референдумы и т. д.». А когда потомъ, по требованію матроса Желѣзняка Черновъ сталъ «смущенно собирать бумаги», объявилъ засѣданіе закрытымъ и «бѣгомъ съ кафедры, а мы за нимъ», то по мнѣнію г. Огановскаго «непоправимый ударъ нанесъ, оборвавъ засѣданіе, предсѣдатель и учредительному собранію, и партіи, и земельной реформѣ».

Такимъ „образомъ" говоритъ г. Гессенъ, дающій на страницахъ кадетскаго изданія оцѣнку «Дневнику члена Учредительнаго собранія»—«въ минуту, когда, какъ убѣждала всѣхъ „революціонная демократія", осуществлялась завѣтнѣйшая мечта русскаго народа, у руководителей не только не оказалось никакого подъема, но развернулась картина полнаго внутренняго разложенія, со всѣми аксцессуарами ей присущими. Огановскій неоднократно повторяетъ, что «все отчетливѣе складывалось убѣжденіе, что гдѣ бы мы ни собирались, у стѣнъ выростаютъ чуткія уши и внутри насъ есть провокаторы".

Выказывая во время убійства городового изъ за угла „безумство храбрыхъ", эсеры при столкновеніи съ тогда еще неорганизованными и незахватившими военной силы большевиками проявили самую жалкую трусость. На каждой страницѣ „Дневника" говорится объ ожиданіи ареста, о томъ, что теперь вотъ ужъ непремѣнно арестуютъ, что уже даны автомобили и такъ далѣе. А когда, наконецъ,

большевики дѣйствительно произвели обыскъ въ помѣщеніи эсеровской фракціи, то, говоритъ Огановскій «у насъ остались изъ депутатовъ одни заправскіе крестьяне. П р о ч і е с б ѣ ж а л и, л и б о у ш л и р а н ь ш е». Такъ пасквильно окончилась комедія съ учредилкой въ 1917 году.

Прошло три года кровавой тираніи большевиковъ. Россія изстрадалась въ мукахъ великихъ, а русская проблема сдѣлалась самымъ проклятымъ вопросомъ всего человѣчества.

И вдругъ, въ Парижѣ въ 1920 году опять открылся на этотъ разъ маленькій и куцый балаганчикъ Учредилки.

Изъ всѣхъ «мастеровъ іудина ремесла» и «многоопытныхъ мерзавцевъ» въ Парижѣ были собраны только 33 экспоната. Другіе персонажи остались въ Совдепіи и, помирившись съ коллегами слѣва работаютъ въ комиссаріатахъ,— иные просто разсосались въ великой трясинѣ русской революціи. Но главные скоморохи и паяцы оказались налицо. Тутъ и Черновъ, которому какимъ то сказочнымъ образомъ удалось бѣжать оттуда, откуда никто не убѣгаетъ —изъ застѣнка чрезвычайки, тутъ и Керенскій, и Зензиновъ и «бабушка» Брешко-Брешковская, впавшая въ революціонный маразмъ.

Говорить о томъ, что дѣлалось въ этой русско-парижской учредилкѣ, говорить о тѣхъ рѣчахъ, въ которыхъ изливались эти жалкіе фигляры, не стоитъ. Конечно, они сдѣлали все возможное, чтобы продлить безмѣрныя муки русскаго народа и поэтому вынесли резолюцію „противъ интервенціи". Но сейчасъ русскому народу не до нихъ. Онъ занятъ страданіемъ своимъ. Ему даже презирать ихъ, маленькихъ, наглыхъ аферистовъ нѣкогда.

———oooooooo———

Провозглашенная гражданская и политическая свобода въ эпоху «великой мартовской революціи» превратилась въ каррикатуру надъ самыми элементарными гражданскими и политическими правами. Прежде всего широко примѣнялся арестъ и высылка за политическія убѣжденія. По распоряженіямъ революціонныхъ юристовъ Керенскаго, Муравьева и др. были арестованы все тѣмъ-же внѣсудебнымъ порядкомъ члены праваго крыла Государственной Думы: П. Н. Балашовъ, Н. Е. Марковъ, членъ Государственнаго Совѣта Чаплинскій, политическіе дѣятели—Орловъ, профессоръ Вязигинъ, сенаторъ Валуевъ и др. (при чемъ Валуевъ былъ

убитъ при арестѣ) и высланы въ административномъ порядкѣ нѣкоторыя лица, въ числѣ которыхъ находился генералъ Гурко.

Во время производства обысковъ и арестовъ совершались кражи. Такъ, при обыскѣ въ домѣ графа Фредерикса, совершеннаго членами революціонной юстиціи было украдено цѣнностей и денегъ, принадлежавшихъ графу Фредериксу, на сумму свыше одного милліона рублей; во время производства обыска у инженера Шмакова, совершеннаго по ордеру назначеннаго Керенскимъ прокурора палаты присяжнаго повѣреннаго Переверзева, для осмотра дѣлъ покойнаго присяжнаго повѣреннаго Шмакова, извѣстнаго монархиста, были выкрадены важные документы по дѣлу Бейлиса и нѣсколько рѣдчайшихъ экземпляровъ книгъ по еврейскому вопросу.

Картину революціонной юстиціи, во главѣ которой стояли пока еще не солдаты—большевики, а образованные юристы, дополняютъ слѣдующіе факты изъ жизни Петропавловской крѣпости этой эпохи,

Всѣ узники Петропавловской крѣпости были одѣты въ арестантскіе халаты. Штюрмеру не давали рубашки, и онъ вынужденъ былъ носить халатъ прямо на голомъ тѣлѣ. Когда Штюрмеръ заболѣлъ и былъ представленъ въ комендантское управленіе крѣпости на медицинскій осмотръ, производившійся врачами Карпинскимъ и Манухинымъ, то къ изумленію врачей оказалось, что халатъ надѣтъ на голое тѣло Штюрмера, покрывшееся вслѣдствіе этого язвами и лишаями. Случай этотъ зафиксированъ въ протоколѣ, составленномъ по требованію врача Карпинскаго. Другой случай, произошедшій съ арестованнымъ бывшимъ директоромъ департамента полиціи Бѣлецкимъ, является характернымъ образчикомъ царившаго въ тѣ дни административнаго произвола и полной безсудности. Однажды въ Петропавловскую крѣпость пріѣхалъ «самъ» Керенскій. Глава революціоннаго правительства казался чѣмъ то сильно разгнѣваннымъ. «Вывести ко мнѣ Бѣлецкаго»—приказалъ Керенскій. Бѣлецкаго вывели. Произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Что же, назовете вы мнѣ еще секретныхъ сотрудниковъ, кромѣ тѣхъ, кого вы назвали, сказалъ Керенскій.

— Я больше никого не знаю, господинъ министръ, и назвать не могу.

—Сейчасъ же назвать, грозно крикнулъ Керенскій, поворачиваясь къ солдатамъ конвоя.

—Клянусь вамъ жизнью своихъ дѣтей, что я больше никого не знаю.

— Ахъ такъ... посадить его въ темный карцеръ на двѣ недѣли,—приказалъ Керенскій солдатамъ.

Пояснимъ теперь, что такое «темный карцеръ».

Въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости въ верхнемъ этажѣ расположены 64 камеры, Нижній этажъ какъ заливаемый водою при старомъ режимѣ былъ необитаемъ —туда рѣшительно никого не сажали. Вообще въ 1916 г. при царскомъ правительствѣ въ Петропавловской крѣпости содержалось всего 5 военныхъ шпіоновъ и генералъ Сухомлиновъ. Темный карцеръ, въ который Керенскій отправилъ Бѣлецкаго, помѣщался въ самомъ низу и никѣмъ не занимался, такъ что для Бѣлецкаго его пришлось о т к а п ы в а т ь. Это былъ погребъ, залитый водой. Крысъ было здѣсь такъ много, что Бѣлецкому пришлось прятать хлѣбъ за пазуху, а спать было невозможно безъ опасенія, что крысы обглодаютъ лицо и руки. Фактъ раскапыванія съ незапамятныхъ временъ забытаго каземата произвелъ впечатлѣніе даже на революціонный гарнизонъ крѣпости и вызвалъ много толковъ. Однимъ словомъ, заключеніе Бѣлецкаго въ этотъ карцеръ съ цѣлью вырвать у него нѣсколько фамилій сотрудниковъ, являлось самой откровенной п ы т к о й, каковыя позднѣе стали примѣнять къ своимъ узникамъ большевики.

Интересны еще нѣкоторыя детали революціонной юстиціи Керенскаго-Муравьева.

Послѣ водворенія бывшихъ министровъ и сановниковъ въ Трубецкой Бастіонъ къ нимъ явился Керенскій и заявилъ, что революціонное правительство «гуманно и справедливо» и что онъ оставляетъ для заключенныхъ тотъ раціонъ, который они сами нѣкогда установили для узниковъ Петропавловской крѣпости, т. е. 45 копѣекъ въ день на довольствіе. Заявленіе Керенскаго было самымъ циничнымъ издѣвательствомъ, ибо 45 коп. въ день были установлены въ 1916 году и за нихъ при старомъ режимѣ, заключенные имѣли возможность получать обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ и мясной ужинъ, а въ 1917 году фунтъ хлѣба уже стоилъ 1 рубль 20 коп. и сорокапятикопеечный раціонъ обрекалъ узниковъ Петропавловки на форменный голодъ, тѣмъ болѣе, что Керенскій воспретилъ приносить заключеннымъ что либо изъ дому (при старомъ режимѣ заключенные имѣли право получать любую пищу извнѣ).

А вотъ еще болѣе возмутительный случай: во время подачи медицинской помощи больная фрейлина Вырубова была въ своей камерѣ и з б и т а п о л и ц у «революціоннымъ докторомъ» Серебрянниковымъ. Безъ всякаго повода со стороны заключенной, врачъ Серебрянниковъ назвалъ ее «стервой» и нанесъ два удара по лицу,

Справедливость требуетъ отмѣтить, что за несчастную Вырубову вступился революціонный комендантъ крѣпости ротмистръ А. А. Берсъ, старавшійся вообще сколько возможно установить человѣческое отношеніе къ узникамъ.

Но самое пикантное въ исторіи «революціи для побѣды» случилось, такъ сказать pour la bonne bouche мартовской революціи наканунѣ большевистскаго переворота.

За нѣсколько дней до октябрьскаго выступленія большевиковъ, произошло засѣданіе членовъ временнаго правительства и членовъ предпарламента. На этомъ засѣданіи обсуждалось предложеніе генерала Верховскаго о немедленномъ заключеніи сепаратнаго мира съ Германіей.

Этотъ фактъ сталъ извѣстнымъ В. Л. Бурцеву и онъ въ своей газетѣ подробно описалъ сіе столь пикантное обстоятельство обсужденія проекта заключенія сепаратнаго мира съ нѣмцами, тѣми господами, которые распинались, что революція организована во имя побѣды и, которые такъ усердно разыскивали слѣды мифическихъ сепаратныхъ переговоровъ среди бывшаго министерства Двора... Однако, не успѣла Бурцевская типографія набрать этотъ сенсаціонный номеръ газеты, какъ туда явился воинскій нарядъ, посланный по личному приказу Керенскаго, наборъ былъ уничтоженъ, типографія конфискована, а самъ Бурцевъ безъ суда и слѣдствія въ порядкѣ административномъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

IV.

ИСТОКИ БОЛЬШЕВИЗМА.

Изучая страшную лѣтопись безконечныхъ преступленій, совершенныхъ за время русской революціи, приходится сдѣлать выводъ, что ни одинъ народъ, по крайней мѣрѣ на протяженіи новой исторіи, не запятналъ себя такимъ массовымъ, длительнымъ и изощреннымъ злодѣйствомъ. Можетъ быть, лишь въ древней исторіи, въ эпоху кроваваго возстанія Барко-Хебы, въ расправахъ древнихъ персидскихъ завоевателей съ покоренными народами можно отыскать нѣчто подобное тому, что уже четыре года вершится на сѣверо-востокѣ Европы. Особенно замѣчательно, что звѣрства большевиковъ, чекистовъ и другихъ революціонеровъ не являются отдѣльными случаями необузданныхъ дѣйствій черни, пришедшей по тому или иному поводу въ дикое изступленіе, а носятъ совершенно очевидный характеръ нѣкоей обдуманной, холодно-выполняемой

системы. Не случаемъ же можно объяснить осквернение и разрушение христіанскихъ храмовъ, утонченно-свирѣпое истязаніе и медленную казнь многихъ представителей христіанскаго духовенства въ Россіи, при чемъ уже до сего дня мученически погибло 26 православныхъ епископовъ и тысячи священниковъ, монаховъ и монахинь.

Въ Совдепіи воздвигнуто настоящее гоненіе на христіанскую церковь, исторія которой нынѣ обогатилась новыми великомучениками и страстотерпцами за Вѣру Христову.

Эта новая эпоха гоненія на христіанъ мало чѣмъ отличается отъ эпохъ первыхъ вѣковъ христіанства, когда гоненія учинялись римскими цезарями. Свирѣпый префектъ Нерона Тигеллинъ объявлялъ христіанъ врагами государства, стоящими внѣ закона. Троцкій приказываетъ разстрѣливать крестные ходы изъ пулеметовъ, объявляетъ православное духовенство врагомъ революціи и ставитъ его фактически внѣ закона.

Нынѣ примѣняемые методы пытокъ и истязаній такъ же могутъ смѣло конкуррировать съ „живыми факелами“ Нерона. Епископа воронежскаго Тихона повѣсили въ алтарѣ. Очень многихъ священниковъ закопали живыми въ землю. Въ харьковской „чрезвычайк священникамъ примѣнялось постепенное отсѣченіе частей тѣла, вырываніе глазъ и т. п.

Звѣрства и жестокости совершаются не только въ большевистскій періодъ, но на всемъ протяженіи русской революціи.

Такъ, въ началѣ марта 1917 года матросами въ Кронштадтѣ жесточайшимъ образомъ былъ замученъ доблестный адмиралъ Вирѣнъ, Въ мартовскій же періодъ былъ звѣрски убитъ въ Выборгѣ лейтенантъ Поливановъ. Покончивъ съ лейтенантомъ Поливановымъ, матросы на другой день пришли къ его молодой супругѣ и заявили, что они раскаиваются и просятъ допустить ихъ въ церковь на отпѣваніе. Г-жа Поливанова вынуждена была согласиться. Матросы, дѣйствительно, явились въ церковь..., бросились съ площадной бранью къ гробу, перевернули покойника навзничь, опрокинули паникадила и заставили прервать богослуженіе.

Очень часто въ объясненіе этихъ страшныхъ фактовъ ссылаются на темноту русскаго народа, темноту, въ которой яко-бы искусственно его держалъ старый режимъ. Такое объясненіе не исчерпываетъ вопроса, во-первыхъ, потому что „темнотой“ можно объяснить только необузданныя дѣйствія толпы, дѣйствующей подъ вліяніемъ стаднаго инстинкта. Темнотой можно объяснить погромы помѣщичь-

ихъ усадебъ, широкой волной прокатившіеся по Россіи въ 1905 и въ 1917 годахъ, погромы, при которыхъ озвѣрѣвшіе крестьяне сносятъ до тла богато оборудованныя фермы и экономіи, рубятъ грушевыя деревья, вырываютъ языки кровнымъ лошадямъ. Но спокойно разсчитанныя пытки и казни „чрезвычаекъ“, въ которыхъ изображается подобіе судебнаго процесса, но утопленіе офицеровъ въ Выборгѣ (1917 г.), послѣ котораго на мѣстѣ казни была водружена ироническая надпись: „Офицерская школа плаванія“—безграмотностью и темнотой объяснены быть не могутъ. Во вторыхъ, видные революціонные посты представителей полковыхъ и ротныхъ комитетовъ, различныхъ трибуналовъ и чрезвычайныхъ комиссій, по приговору которыхъ совершались казни и пытки, никогда не занимаютъ темные, неграмотные мужики. На такомъ посту бородатую деревенскую серьмягу вы не увидите. На революціонныхъ постахъ и въ роли вожаковъ и главарей революціи, которые направляютъ дѣйствія массъ, мы съ самаго начала революціи видимъ интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ: шоферовъ, писарей, техниковъ, монтеровъ, а часто студентовъ и курсистокъ (напримѣръ, главнымъ палачомъ одесской чрезвычайки былъ студентъ).

Самыми свирѣпыми мучителями, какъ извѣстно, оказ лись матросы, среди которыхъ неграмотныхъ почти нѣтъ и которые по роду своей службы являются наиболѣе цивилизованными и повидавшими свѣтъ солдатами бывшей русской арміи. Отличительной чертой всѣхъ этихъ революціонныхъ интеллигентовъ всегда было презрѣніе и ненависть къ „темной деревнѣ“. Изъ опроса большинства свидѣтелей выяснилось, что при убійствѣ, напримѣръ, сельскаго священника подстрекателями являлись, главнымъ образомъ, „пришлые люди“, „городскіе“, „фабричные“, а не косная деревенщина. Значитъ, дѣло не столько въ „темнотѣ“ и безграмотности, въ отсутствіи культуры, сколько въ привитіи неправильной, мнимой, злостно-тенденціозной революціонной просвѣщенности.

Вотъ тутъ то мы и добираемся до истоковъ большевизма, до его генезиса.

Только тотъ, кто не знакомъ съ исторіей революціонаго движенія въ Россіи, можетъ считать большевизмъ какимъ то новымъ и неожиданнымъ явленіемъ. Новымъ, пожалуй, можно считать только „програмный большевизмъ“, олицетворяющійся въ красномъ штабѣ, красной арміи и другихъ отлившихся въ завершенную форму учрежденіяхъ совѣтской федеративной соціалистической республики. Но лозунги, призывы и методы большевизма уже десятки лѣтъ упорно и настойчиво вдалбливаются русскому народу рево-

люціонными организаціями. Проводниками большевистскихъ идей въ народную толщу были не только мелкіе агитаторы и митинговые „орателн“, но такіе властители думъ революціонной русской интеллигенціи, какъ Крапоткинъ, Бакунинъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Михайловскій, Лаврбвъ. Любопытно сопоставить главнѣйшія положенія апостоловъ русской революціи съ нынѣшними большевистскими лозунгами,

V.

ПАРАЛЛЕЛИ.

1. Начиная съ 60-хъ годовъ столпы революціонной идеологіи объявили русскую культуру, созданную помѣщичьимъ классомъ, мѣщанской и ненужной и призывали смести эту культуру до основанія, чтобы на ея развалинахъ создать новую соціалистическую, заявляя при этомъ, что „русская исторія и русская мысль начинается съ насъ“. Такое же отношеніе было и къ культурѣ Западной Европы, которая была заклеймена, какъ „буржуазная“.

Параллель. Большевики объявили всю русскую культуру помѣщичье-буржуазной. Отвергли даже Пушкина и Лермонтова въ качествѣ „помѣщичьихъ поэтовъ“. То же самое они продѣлали и по отношенію къ культурѣ Западной Европы, заклеймивъ ее, какъ буржуазно-капиталистическую и реакціонную, и провозгласили свою новую пролетарскую культуру („Пролеткультъ“,, въ которую въ первую очередь вошли футуристы и кубисты.

2. Старые революціонеры (начиная съ 40-хъ годовъ) народники, партія „Земля и Воля“, народовольцы и позднѣе эсеры, совмѣстившіе въ себѣ народниковъ и народовольцевъ, всѣ сходились въ необходимости „Чернаго Передѣла“, т. е. насильственнаго, безвозмезднаго отнятія земли у собственниковъ. Подъ вліяніемъ этой пропаганды съ 1875 года начинается волна помѣщичьихъ аграрныхъ погромовъ, сопровождающихся звѣрствами, дикими расправами и уничтоженіемъ хозяйственныхъ экономій. Однимъ изъ первыхъ судебныхъ процессовъ въ этомъ смыслѣ является „Процессъ 193“, къ которому въ качествѣ обвиняемаго былъ привлеченъ и Чайковскій. Насилія, убійства и разрушенія, изъ которыхъ сплошь состоялъ первый опытъ «Чернаго Передѣла», считались вождями этихъ революціонныхъ организацій вполнѣ раціональнымъ средствомъ классовой борьбы и, какъ таковое, ими поощрялись.

Параллель. Завѣщанный дѣдами и «бабушками» русской революціи «Черный Передѣлъ» большевики

осуществили до конца. Земля у собственниковъ отнята и передана «Комитетамъ Бѣдноты», набраннымъ изъ деревенскихъ хулигановъ и городскихъ отбросовъ. Помѣщичьи усадьбы сравнены съ землей. Убійство помѣщиковъ обращено въ систему.

3. Въ 1879 году возникаетъ партія «Народной Воли» основанная на принципѣ террора, направленнаго къ политическому запугиванію. Членами партіи совершается длинный рядъ кровавыхъ террористическихъ актовъ и провозглашается необходимость цареубійства. За періодъ съ 1879—1881 г. членами партіи производятся около 12-ти покушеній на цареубійство, завершающихся цареубійствомъ (1-го марта 1881 года).

П а р а л л е л ь. Большевики провозглашаютъ красный терроръ, направленный къ политическому запугиванію враговъ революціи. Терроръ выливается въ усовершенствованную систему «чрезвычаекъ». Одной изъ первыхъ жертвъ краснаго террора падаетъ Государь Императоръ Николай II и Царская Семья.

Въ 70-хъ годахъ наибольшей популярностью среди революціонныхъ партій пользовался Нечаевскій Кружокъ. Есть основаніе думать, что съ Нечаева Достоевскій писалъ одного изъ героевъ романа «Бѣсы». Программа Нечаевской партіи представляла изъ себя типично-большевистскую программу. Сдѣлаемъ сравненіе.

4. Тезисы Нечаева: разжигать въ народѣ самые низменные инстинкты, направлять его на убійства, грабежи и погромы; пользоваться всѣми средствами, чтобы захватить всю власть въ свои руки и тогда ввести немедленный соціализмъ. Программу Нечаева развиваетъ въ «Бѣсахъ» Шигалевъ: онъ призываетъ уничтожить все выдающееся, убить всякое превосходство не только матеріальное, но и моральное; разрушить власть до основанія дяя того, чтобы изъ анархіи создать въ тысячу разъ болѣе сильную тиранію и господствовать надъ «обезглавленными» темными массами.

П а р а л л е л ь. Вся дѣятельность большевиковъ является выполненіемъ завѣтовъ этого „дѣдушки“ русской революціи—Нечаева. Сперва разрушеніе государственной жизни до основанія, анархія на фронтѣ и въ тылу; затѣмъ созданіе въ тысячу разъ болѣе сильной тираніи въ лицѣ кровожадной совѣтской деспотіи, опирающейся на латышей и китайцевъ; созданіе красной арміи на началахъ неслыханно-жестокой дисциплины; введеніе диктатуры пролетаріата, не терпящаго никакого превосходства, разстрѣливающаго и капиталиста, и поэта, и священника; осуществленіе немедленнаго соціализма.

Усиліями революціонной русской интеллигенціи въ теченіи десятковъ лѣтъ послѣдовательно создается, выковывается изъ души народной будущій типъ «краснаго звѣря», большевика, вселяющаго своимъ обликомъ ужасъ всему цивилизованному міру, изумленному, до какихъ низинъ на зарѣ XX-го столѣтія можетъ пасть цѣлый народъ.

Передъ нами встаетъ вопросъ, почему именно русскому народу суждено было пройти этотъ инфернальный путь паденія и стать для другихъ народовъ предостерегающимъ, назидательнымъ примѣромъ? И вотъ для того, чтобы ближе подойти къ рѣшенію этого вопроса мы и должны попристальнѣе вглядѣться въ роль русской интеллигенціи въ судьбахъ Россійскаго Государства.

VI.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ ВЪ РОССІИ.

Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не существуетъ того, что въ Россіи называется словомъ «интеллигенція».

Въ европейскихъ государствахъ существуютъ образованные классы населенія и малообразованные, высшіе и низшіе, въ смыслѣ культурнаго уровня. Русское понятіе «интеллигенція» слагалось, начиная съ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, не по признаку культурности или образованности, а по признаку п о л и т и ч е с к о м у.

Интеллигенція въ русскомъ дореволюціонномъ пониманіи есть классъ общества, непремѣнно о п п о з и ц і о н н о н а с т р о е н н ы й къ историческому строю. Эта завѣдомая оппозиціонность почиталась признакомъ прогрессивности и поэтому русская интеллигенція очень любила во всѣхъ случаяхъ титуловать себя «передовой». Безъ политической лѣвизны и оппозиціонности не было входа въ ряды интеллигенціи. Степень интеллектуальнаго развитія, талантъ научная подготовка при этомъ не играли никакой роли.

Константинъ Леонтьевъ, Катковъ, Столыпинъ—никогда не причислялись къ интеллигенціи и самое намѣреніе назвать ихъ интеллигентами показалось бы дерзновенной ересью,—несмотря на то, что одинъ изъ нихъ былъ ярко-самоцвѣтнымъ и глубокимъ русскимъ философомъ, другой блестящимъ и широко образованнымъ публицистомъ и третій талантливымъ государственнымъ дѣятелемъ, внесшимъ въ аграрный вопросъ новое рѣшеніе, которому предстоитъ еще широкая будущность. Но всѣ эти высокія интеллектуальныя достоинства оказывались н и ч ѣ мъ, носители ихъ отлучались отъ русской общественности только потому, что

они были п р а в ы м и съ точки зрѣнія россійскаго интеллигентскаго сектантства.

По мѣрѣ приближенія къ революціи, сектантство нашей интеллигенціи становилось все болѣе глухимъ и узкимъ. Герценъ еще находилъ возможнымъ считаться съ Катковымъ, какъ съ почтеннымъ противникомъ и полемизировалъ съ нимъ, заявивъ однажды, что Катковъ «блестящій писатель, владѣющій пушкинскимъ слогомъ». Западники 60-хъ и 80-хъ годовъ считались со славянофилами, какъ съ интеллигенціей „другого берега". Но уже въ послѣднее передъ войной десятилѣтіе, интеллигентская секта наглухо замыкается для всѣхъ инакомыслящихъ: кто не за революцію, тотъ недостоинъ даже вниманія.

Правые ораторы Думы и Совѣта глаголятъ въ пустынѣ. Ихъ рѣчи никогда не печатаются иначе, какъ въ злостныхъ передержкахъ и короткихъ отрывкахъ изъ преднамѣренно выхваченныхъ фразъ, въ то время какъ самая пустая болтовня какого нибудь Чхенкелли воспроизводится съ благоговѣніемъ отъ слова до слова на страницахъ газетъ и разносится по всей Россіи.

Такіе крупные писатели и ученые, какъ Родіоновъ, написавшій пророческій романъ «Наше Преступленіе», профессоръ Вязигинъ, профессоръ Борисъ Никольскій, профессоръ Армашевскій, профессоръ Сикорскій профессоръ Казанцевъ, профессоръ Кассо и множество и множество другихъ проваливаются для русской жизни въ пустоту и царство молчанія. Ошельмованные и заклейменные клеветой, они исчезаютъ для русскаго общества, какъ чтеніе, недозволенное радикальной цензурой. И въ то время, какъ общеполитическая жизнь Западной Европы слагается изъ двухъ мозаичныхъ по своимъ разнообразнымъ оттѣнкамъ крыльевъ—консервативно-праваго и соціалистическо-лѣваго русская общественность становится одноухой и одноглазой, лѣвшой на весь свой корпусъ. Консервативное крыло совершенно отталкивается отъ всякаго участія въ общественной жизни. Съ нимъ никто не считается, даже оффиціальныя власти, пуще всего боящіеся прослыть реакціонными Нетерпимость политическаго сектантства интеллигенціи достигаетъ формъ, послужившихъ прототипомъ большевизму. Борисъ Никольскій несмотря на блестяще защищенную диссертацію не принятъ въ коллегію профессоровъ петебургскаго университета только потому, что онъ правый, въ то время какъ всякая бездарь, имѣющая радикальный цензъ принимается на любую каферу съ восторгомъ. В. В. Розанова исключаютъ изъ Религіозно-Философскаго общества только за его политическое credo. Выписываніе и чтеніе «прогрессивныхъ» газетъ становится обязательнымъ для кажда-

го дорожащаго своей карьерой и положеніемъ въ обществѣ интеллигента, почти такъ же, какъ позднѣе при большевикахъ дѣлается обязательнымъ чтеніе коммунистической литературы.

Въ то время, какъ въ Англіи консервативныя партіи и консервативная печать оказываютъ мощное вліяніе на жизнь страны и выслушиваются съ уваженіемъ, когда въ Германіи консервативно католическій центръ лидируетъ все государство въ его поступательномъ движеніи, у насъ съѣздъ правыхъ профессоровъ въ Петроградѣ приравнивается къ «митингу городовыхъ», покрывается молчаніемъ и позоромъ и всякій національно-мыслящій дѣятель вычеркивается изъ списка живыхъ. По узкой тропинкѣ политическаго фанатизма, вьющейся надъ пропастью, въ которую суждено было свалиться Россіи, плетется наканунѣ великой войны, россійская радикальная общественность — лѣвша; кривая на правый глазъ, какъ былинная Кривда, она не слышитъ предостерегающихъ голосовъ справа о томъ, что дорога къ революціи—путь въ бездну.

Даже своего современника, огромнаго мыслителя, величайшаго, быть можетъ, единственнаго изъ нынѣшнихъ русскихъ философовъ и писателей отца Флоренскаго она отвергла только за то, что авторъ «Столпа и утвержденія истины» отказался принять революціонное міровоззрѣніе. Уйдя въ себя въ свою утлую политическую доктрину, революціонная интеллигенція насаждала анархію духа, методически подтачивая всѣ историческія и религіозныя скрѣпы русскаго быта. Она до дна использовала апокрифъ о Распутинѣ со всѣми легендарными прикрасами уличныхъ сплетенъ. Она подготовила будущихъ палачей офицерства, вселяя въ романахъ, пьесахъ, статьяхъ презрѣніе къ русскому офицеру, какъ къ партіи и ничтожеству. Много ли положительныхъ типовъ русскаго офицера выведено въ новѣйшей русской литературѣ? Чуть ли не послѣдними въ этомъ смыслѣ являются лермонтовскій «Максимъ Максимовичъ» и герои «Войны и Мира». На этомъ безпристрастное отношеніе къ русскому офицерству оборвалось и дальше мы видимъ сплошной пасквиль на офицерство. Примѣромъ является хотя бы купринскій «Поединокъ», гдѣ за исключеніемъ поручика Ромашева, образъ котораго авторъ слегка тронулъ свѣтлой краской — проходитъ цѣлая галлерея каррикатуръ на офицерство, изображенное въ видѣ кунсткамеры нравственныхъ и умственныхъ уродцевъ.

Такъ называемая «русская интеллигенція» не только никогда не была національной по своему духу, но болѣе того, всегда пребывала антинаціональной, враждебной русской традиціи, православной вѣрѣ и историческому быту

русскаго народа. Интеллигенція въ Россіи была анти-русской. Сообразно съ этимъ и революціи въ Россіи носили всегда характеръ антинаціональнаго движенія, потрясающаго до основанія всѣ элементы государственнаго бытія, выкованнаго на протяженіи вѣковъ вереницей поколѣній лучшихъ сыновъ націи. Весьма интересными представляются наблюденія иностранцевъ, изучавшихъ въ Россіи революціонное движеніе. Авторъ многочисленныхъ и объемистыхъ политическихъ трудовъ Рудольфъ Врба издалъ въ 1906 году книгу (1906, 2 тома in 8), въ которой задался цѣлью познакомить австрійское общество съ событіями революціоннаго движенія въ Россіи за періодъ 1904—1905 г.г.

Вотъ какую оцѣнку даетъ Врба русской интеллигенціи и въ частности студенчеству верховодившему революціоннымъ движеніемъ:

„Что собою представляетъ современное русское студенчество"? Не жившіе еще почти, но преждевременно состарившіеся студенты и курсистки все находятъ безвкуснымъ, тяготятся жизнью, а наукою интересуются лишь поскольку она поставляетъ матеріалъ для отрицанія постулатовъ нравственности. Весьма примѣчательно, что именно нитцшеанство среди русской учащейся молодежи вербуетъ много поклонниковъ. Въ отношеніи исповѣданія политическихъ вѣрованій русскій студентъ за долгъ и за совѣсть почитаетъ проявить непримиримый радикализмъ; разъ онъ осмѣливается придерживаться болѣе умѣренныхъ воззрѣній, онъ въ глазахъ товарищей слыветъ идіотомъ, негодяемъ, а чего добраго и шпіономъ.

„Значительная часть студенчества и ограничена и извращена. Россія и патріотизмъ—къ черту, національность и панславизмъ—къ черту, семья и государство—къ черту, словомъ все къ черту, и все это замѣняется безсмысленнымъ космополитизмомъ, нигилизмомъ и анархизмомъ. Космополитъ, потворствующій чревоугодію и половымъ наслажденіямъ. Среди иныхъ бабскихъ свойствъ русская интеллигенція особенно падка на кокетничаніе. Русскій интеллигентъ ужасно любитъ похвастаться прогрессивными и отрицательными идеями; онъ силится во что бы то ни стало проявить оригинальность; отсюда преклоненіе передъ модой, передъ «самымъ послѣднимъ словомъ» въ области нравственной и умственной. Въ видѣ спорта русскій интеллигентъ занимается отрицаніемъ всѣхъ завѣтовъ государственности, религіи и семьи. Въ бесѣ-

дахъ съ европейцами русскій умникъ смутитъ кого угодно разнузданностью своего политическаго радикализма; онъ всегда побьетъ рекордъ въ погонѣ за утопическими цѣлями государственныхъ и общественныхъ преобразованій на почвѣ анархизма. И такіе то люди стояли во главѣ освободительнаго движенія!

„Таковы были народные факторы приведшіе въ дѣйствіе и раздувшіе движеніе 1905 года:

„А между тѣмъ движеніе задалось несравненно болѣе сложными задачами, чѣмъ какіе ставились въ 1789 году. Тогда революція добивалась преобразованія королевскаго абсолютизма въ болѣе или менѣе буржуазную республику, въ Россіи же каждый день порождалъ новыя фантазіи. Должно ли государство объединяться сильною центральною властью или претвориться въ федерацію автономныхъ областей? Заправлять ли всѣмъ народнымъ хозяйствомъ сверху или предоставить широкій просторъ самоуправленію? Слѣдуетъ ли преслѣдовать задачи насажденія коммунизма или капитализма?

„Въ Россіи повстрѣчались не на почвѣ безплодныхъ книжныхъ мудрствованій, но на почвѣ практическихъ опытовъ, учиняемыхъ надъ огромною Имперіей in anima vili, соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры. Тогда какъ первые направляютъ свою агитацію на постепенное насажденіе своихъ воззрѣній въ народныхъ массахъ и, въ видѣ орудія борьбы противъ существующаго строя пользуются стачками, устройствомъ уличныхъ демонстрацій, при подходящихъ случаяхъ даже съ оружіемъ въ рукахъ, соціалъ-революціонеры доказываютъ, что именно анархическіе пріемы и должны помочь осуществленію ближайшей цѣли—неограниченной политической свободѣ. «Если не поможетъ одно, такъ поможетъ другое. Можетъ быть хорошую службу сослужитъ пожаръ съ помощью поджога, учиненнаго невѣдомо кѣмъ. Пригодятся намъ и темныя ночи и пустынныя дороги и минированные мосты»—гласитъ одна изъ прокламацій эсеровъ.

„Отъ Гельсингфорса до Томска вся Россія взволновалась, всѣ сословія и племена пассивно или активно захватывались движеніемъ. Но черезъ всю эту бурную симфонію нисколько не проходитъ общій лейтъ-мотивъ. Движеніе это отнюдь не пред-

ставляетъ собою сознательной борьбы сильнаго народа за свободу, ни могучаго стремленія сбросить съ себя бюрократическія путы. Скорѣе это—дикія вспышки безпросвѣтной умственной смуты, нравственной и политической анархіи, заражающія все болѣе и болѣе широкіе круги. Каждая недѣля выноситъ на поверхность новую партію, которая мнитъ, будто открыла вѣрный способъ спасти государство. Политическая незрѣлость и внутреннее безпутство—таковы вопіющія особенности современной неурядицы".

Другой иностранный изслѣдователь русской революціи, тоже лично наблюдавшій ее въ 1905 году, профессоръ Гейдельбергскаго университета Максъ Веберъ даетъ любопытную оцѣнку той духовной пищи, которую преподноситъ въ качествѣ «высшаго откровенія» и «послѣдняго слова» русская интеллигенція подготовляемымъ ею къ революціи народнымъ массамъ.

„Главнымъ факторомъ агитаціи"—пишетъ профессоръ Веберъ—«явились многочисленные столичные и провинціальные органы періодической печати крайняго направленія и равно безчисленные, наводнявшіе русскій книжный рынокъ, переводы иностранныхъ брошюръ, преимущественно соціалистическаго направленія. Изданія эти предпринимались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и выпускались въ обращеніе по крайне дешевымъ цѣнамъ. Какая умственная пища предлагается русскимъ читателямъ, глотающимъ ее безъ разбора и неистощимо—замѣчаетъ профессоръ М. Веберъ—можно судить уже потому, что неосмысленныя и ребяческіе вещи, въ родѣ «этики» Каутскаго или Менгера, возбуждающія въ Германіи только презрительныя усмѣшки, въ Россіи пользуются колоссальнымъ успѣхомъ".

Особенно ярко аннулировала весь смыслъ отечественной исторіи революція 1917 года. Что такое исторія Россіи въ революціонномъ представленіи послѣ мартовскаго переворота? Это лѣтопись объ узурпаціи Рюриковичами, Темными, Шуйскими, Годуновыми, Романовыми «державныхъ правъ народа», исторія его вѣкового рабства. Значеніе освѣщенныхъ легендой національныхъ героевъ стирается совершенно. Суворовъ, Кутузовъ, Скобелевъ—только «опричники», алчные кондотьеры—искатели приключеній, проливающіе кровь народную безъ всякихъ на то народныхъ «мандатовъ и полномочій», по капризу «тирана узурпатора». Характерную оцѣнку величайшихъ подвиговъ русской арміи

подъ Шипкой и Плевной мы находимъ въ революціонной пѣснѣ:

Въ именины Царя, чтобъ потѣшить Его
Сорокъ тысячъ солдатъ положили...
Именинный пирогъ изъ начинки людской
Братъ подноситъ Державному Брату...

Мы негодуемъ на пораженческое настроеніе русскаго солдата послѣ революціи 1917 года, потребовавшаго «немедленнаго мира» и докатившагося до Брестъ-Литовскаго позорища. Но будто пораженческое теченіе такая уже новость въ русскихъ настроеніяхъ? А во время русско-японской кампаніи развѣ не вся русская передовая интеллигенція была охвачена пораженствомъ, въ которомъ видѣла единственную возможность революціи въ Россіи? Развѣ пораженческія традиціи не вдалбливались агитаторами—интеллигентами русскому солдату отправлявшемуся на поля Манчжуріи? Развѣ не былъ окруженъ интеллигентскимъ презрѣніемъ тотъ самый офицеръ, который умиралъ за родину въ Цусимскомъ бою, подъ Ляояномъ и Мукденомъ? Что же удивительнаго въ томъ, что это упорно вдалбливаемая въ народъ ненависть и презрѣніе къ офицеру, званіе котораго во всѣхъ странахъ міра окружено извѣстнымъ уваженіемъ, наконецъ всосалось въ народное сознаніе и проявилось въ ужасахъ Кронштадта, Выборга, Севастополя, въ большевистскихъ и махновскихъ звѣрствахъ? Можетъ быть и всякое революціонное движеніе въ любой странѣ было и бываетъ всегда анти-національнымъ и можетъ быть сущность каждой революціи и заключается въ крушеніи націи и вѣры, нерѣдко подготовляемомъ искусственно какой то внѣшней тайной силой, cui prodest, которая изъ сего почерпаетъ для себя выгоду; можетъ быть поэтому мы и встрѣчаемъ на гребнѣ германской революціи евреевъ Либкнехта, Розу Люксембургъ, Курта Эйснера, австро-венгерскаго еврея выходца изъ Россіи Бѣлоконя онъ-же Бела-Кунъ, персидской—еврея Моргана Шустера, во главѣ соціалистическо-революціоннаго движенія въ Англіи Макъ Лина (Малкина) и т. д. Рѣшеніе вопроса въ этомъ объемѣ не входитъ въ задачи настоящаго труда, но относительно Россіи мы должны сказать, что русское революціонное движеніе не только потому было анти-національнымъ, что революціи въ Россіи организовывались и возглавлялись инородцами, при чемъ русскій народъ игралъ лишь роль тупого стада; не только потому, что на верхахъ революціи 1905 года мелькаютъ имена вождей: Герценштейна, Баумана, Склярскаго, Гоца, Рамишвили, Гегечкори, Церетели, а въ 1917 году Лейбы Бронштейна—превратившагося въ Льва Троцкаго, Іоффе—въ Богданова, Гольдмана—въ Горева, Крахмальникова—въ Загорскаго,

Апфельбаума—въ Зиновьева, Финкельштейна—въ Литвинова, Розенфельда—въ Каменева, Лурье—въ Ларина и т. д.

Не только поэтому, но и потому, что та часть русской интеллигенціи, которая была русской по національности, оказалась вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно лишенной чувствъ національныхъ и патріотическихъ и носилась съ утопическими замыслами преобразованій всего міра въ соціалистическій рай, что и привело насъ къ звѣриному III-му Интернаціоналу. Въ 1904 году революціонная демократія вздрагивала отъ радости при каждой вѣсти о побѣдѣ японскихъ войскъ надъ русскими и повторяла свое безумное «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Въ тѣ дни ходила по рукамъ копія телеграммы, якобы посланной одной московской революціонной организаціей Микадо съ поздравленіемъ его по случаю первой побѣды одержанной надъ «русскими опричниками». Можетъ быть эта телеграмма и апокрифъ, но самая версія о ней, возникшая въ дни Манчжурской кампаніи, характерно отражаетъ тогдашнія пораженческія настроенія русскаго революціоннаго общества. Неудивительно поэтому, что пораженцы-революціонеры ликовали въ день объявленія войны 1914 года. Ихъ надежды окрылились. Безъ войны революція въ широкомъ масштабѣ была невозможной. Это признавали не только пораженцы, но даже революціонеры плехановскаго толка. Еще задолго до войны Плехановъ писалъ, что въ Россіи послѣ неудачи революціи 1905 года и скандальнаго провала ея вождей, въ большинствѣ своемъ оказавшихся азефами, «воцарилась тишина кладбища, глубочайшая спячка реакціи и что вывести Россію изъ этого состоянія можетъ только мощный внѣшній ударъ: война». Логическій ходъ пораженческой мысли былъ таковъ: война всегда вызывала въ Россіи народное движеніе, а неудачная война неизмѣнно приводила къ нѣкоторымъ завоеваніямъ революціи. За злополучной Крымской кампаніей послѣдовала эпоха реформъ Александра II-го, ознаменовавшаяся впервые сконструировавшимся въ Россіи революціоннымъ движеніемъ. За неудачной Японской кампаніей послѣдовала революція 1905 года. Послѣ войны 1914 года по разсчету революціонеровъ должны были быть достигнутыми всѣ завоеванія революціи въ самомъ широкомъ планѣ. *Съ полнымъ основаніемъ поэтому революціонные дѣятели могутъ считать началомъ „великой Россійской революціи“ не дату 27-го февраля 1917 года, а день объявленія войны, 19-е іюля 1914 года.*

Такъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ старательно вспахивалась почва для будущей революціи и грядущаго съ ней большевизма. Еще въ тѣ дни, когда не было и помина о красноармейцахъ и звѣроподобныхъ матросахъ большевизмъ уже идейно созрѣлъ въ

верхнемъ слоѣ русскаго народа—въ революціонной интеллигенціи.

«Что вверху, то и внизу» — гласитъ древнее изреченіе. И дѣйствительно, революціонно-анархическій процессъ с в е р х у не могъ не передаться в н и з ъ, въ толщу народную. Проводникомъ анархо-большевистскихъ идей въ народъ явилась начальная земская и городская школа и фабрика. Въ русской начальной школѣ не было и тѣни національно-государственнаго воспитанія, которое могло бы послужить преградой этому всепроникающему революціонному разложенію. Не было по той простой причинѣ, что почти весь институтъ земскихъ и городскихъ учителей и учительницъ цредставлялъ изъ себя, за рѣдкимъ исключеніемъ, красный элементъ. Русскіе революціонеры такъ и смотрѣли на школу, какъ на самое могучее орудіе революціи. Этотъ взглядъ запечатленъ въ циничномъ девизѣ Писарева: «Школа взята, тараканъ пойманъ». Въ замѣчательномъ трудѣ члена Государственной Думы В. М. Пуришкевича «Школьная подготовка второй революціи», вышедшемъ въ 1913 году, приводится цѣлая сѣть тѣхъ ухищреній, подтасовокъ и искаженій, которыя примѣнялись вдохновителями русской начальной школы даже къ произведеніямъ русскихъ классиковъ, чтобы вытравить изъ нихъ всякую религіозную, національную и государственную идею и привести психику крестьянскаго юноши въ состояніе полнаго духовнаго растлѣнія. Цѣлый рядъ знаменитыхъ растлителей—Бунаковъ, Вахтеровъ, Тулуньевъ, Шестаковъ, Пругавинъ и др. — спеціально посвятили свою дѣятельность революціонизированію народнаго учителя и черезъ него народной школы. Лѣвые общественные круги, въ томъ числѣ и лѣвыя партіи Государственной Думы употребляли всѣ усилія, чтобы держать народнаго учителя въ тяжкомъ матеріальномъ положеніи, создавая изъ него озлобленнаго революціонера. Они всегда противились всѣмъ попыткамъ правительства улучшить матеріальное положеніе народныхъ учителей, понимая, что такимъ образомъ можетъ потухнуть нужный имъ священный уголекъ „революціоннаго гнѣва“. Въ 1913 году на съѣздѣ народныхъ учителей въ Петербургѣ лѣвая часть съѣзда, инспирируемая лѣвымъ секторомъ Государственной Думы, энергично воспротивилась предложенію правительства увеличить жалованье сельскимъ и городскимъ учителямъ, сдѣлавъ при этомъ слѣдующее знаменательное заявленіе: «Правительство хочетъ улучшить положеніе народныхъ учителей и сдѣлать изъ нихъ довольныхъ своею судьбою труженниковъ,—н а м ъ ж е н у ж н ы н е д о в о л ь н ы е л ю д и».

Такимъ образомъ, создавалось ужасающее положеніе: съ одной стороны было очевидно, что русское населеніе

можетъ быть болѣе всего нуждается въ просвѣщеніи, хотя бы въ простой грамотности; съ другой,—было заранѣе извѣстно, что самый аппаратъ начальнаго просвѣщенія захваченъ партійными революціонерами и превращенъ въ лабораторію революціи, въ которой старательно культивировалась ненависть къ помѣщику, къ «попу», къ офицеру, ко всякой существовавшей власти. Вмѣсто того, чтобы научить крестьянскаго мальчика грамотѣ, полезнымъ ремесламъ и хотя бы элементарной системѣ сельскаго хозяйства, народный учитель внушалъ ему идеи ненависти, безначалія и насилія. Преподаваніе прикладныхъ знаній всегда встрѣчало ожесточенную оппозицію со стороны нашей интеллигенціи и лѣвыхъ скамей Государственной Думы. Учить крестьянскаго мальчика огородничеству, агрономіи, ремесламъ, первоначальной гигіенѣ и т. п. считалось необычайно «реакціоннымъ» и вреднымъ и ему—полудикарю, грязному, нерѣдко покрытому лишаями и паразитами, вслѣдствіе отсутствія примитивныхъ условій гигіены даже въ зажиточныхъ крестьянскихъ домахъ, ему—неумѣющему посадить яблочное дерево или посѣять овесъ такъ, чтобы онъ далъ наибольшій урожай, ему—незнающему какъ перевязать простой порѣзъ, чтобы не доводить его до состоянія гангрены, ему—невѣдающему ничего объ историческомъ прошломъ своей Родины, несознающему значенія слова «Отечество» — на первыхъ же порахъ толковали про Маркса и Лассаля, «землю и волю», вдалбливали въ него соціалистическіе лозунги, преломлявшіеся въ его мутномъ сознаніи въ инстинкты грабежа, насилія и анархіи.

Эта дѣятельность «передовой русской интелигенціи», длившаяся десятилѣтія подрядъ не осталась безъ результата. Еще задолго до переживаемаго нынѣ Россіей большевизма мелькнули въ русскомъ быту его первыя зарницы.

VIII.

З А Р Н И Ц Ы...

Лѣтъ 15 тому назадъ въ русскомъ быту и въ русской печати появилось новое слово х у л и г а н ъ. Это было днемъ рожденія н о в а г о т и п а русской жизни, которому впослѣдствіи, въ наши дни, суждено было стать символомъ цѣлой русской эпохи,—эпохи революціоннаго періода. Это хлесткое словечко неизвѣстно было старой русской литературѣ, завершившей свой золотой вѣкъ на Львѣ Толстомъ, умершимъ послѣднимъ изъ «великихъ стариковъ». Хулиганъ, какъ типъ, неизвѣстенъ былъ и прежнему дореформенному русскому быту, онъ всецѣло кость

ото кости, плоть отъ плоти дитя новаго времени, и его рожденіе совпадаетъ съ эпохой первыхъ революціонныхъ броженій 1904—1905 годовъ. Дожившіе до нашихъ дней старые люди, тѣ, что по давней привычкѣ говорятъ «генварь» и «рупь серебромъ», съ трудомъ усваиваютъ это словечко, кажущееся имъ не совсѣмъ понятнымъ, вродѣ того, какъ Анна Павловна Шереръ и князь Василій съ трудомъ привыкали къ входившему тогда въ моду словцу «гриппъ». Хулиганъ—дитя города и деревни. Скрещеніе фабрично-городской уличной «культуры» съ ея кинематографами, пивными, «народными», танцульками, тощими революціонными брошюрами—„изданій для народа", съ деревенскимъ остервенѣлымъ разгуломъ, лѣснымъ мужицкимъ разбоемъ и деревенской трехъярусной матерщиной. Деревню, какъ цѣлостный бытъ, деревню—исконно крѣпкую, національно-историческую съ неизмѣняющимся съ незапамятныхъ временъ ея укладомъ, съ «міромъ» и степеннымъ «волостнымъ», съ «престольнымъ праздникомъ», березками Троицына Дня, съ Ильей Пророкомъ, со всѣми ея обычаями и завѣтами,—хулиганъ искренне презираетъ и считаетъ „темнотой".

Онъ сыплетъ бранью при встрѣчѣ съ сельскимъ попомъ, въ которомъ полагаетъ—по городской наслышкѣ—«прислужника реакціи». Онъ ненавидитъ стараго дѣда, николаевскаго солдата, кряхтящаго на лежанкѣ, ненавидитъ за его истовую вѣру и старый обычай, считаетъ дармоѣдомъ и „лишнимъ ртомъ" и въ качествѣ такового готовъ поторопить дѣда на тотъ свѣтъ...

И, какъ мы знаемъ, въ деревнѣ новаго времени необычайно участились убійства стариковъ и старухъ, производимыя вернувшимися на побывку фабричными и солдатами, что отмѣчено и въ стихахъ совѣтскаго поэта Клюева. Хулиганъ презираетъ и ветхій обычай «сельской чести» и готовъ изнасиловать, а потомъ избить до полусмерти любую деревенскую дѣвку во славу своей удали, въ утѣху своего озорства.

Хулиганъ не просто разбойникъ и душегубъ, типъ, извѣстный намъ съ мифическаго Соловья-Разбойника и Стеньки Разина. Онъ разбойникъ-нигилистъ, сознательный оплевыватель святынь, насильникъ революціонеръ, врагъ и разрушитель традиціоннаго быта. Прежній разбойникъ чувствовалъ свое окаянство. У него бывали душевныя движенія замолить свои грѣхи тяжкіе, онъ обѣщался поставить „трехпудовую свѣчу" Святому Угоднику. Онъ любилъ въ часы отдыха отъ разбоя бесѣдовать съ «каликами перехожими» и старцами святыми и отводить въ этихъ бесѣдахъ отягченную злодѣйствами душу. Изъ прежняго разбойника-душегуба могъ выйти,—и нерѣдко онъ этимъ кончалъ свою

буйную жизнь,—Дядя Власъ, съ веригами на груди собирающій «на построеніе». Хулиганъ не безграмотный дикарь, полуидиллическій сынъ лѣсовъ и полей, что вѣритъ въ оборотней и русалокъ и мыслитъ землю стоящей на трехъ китахъ. Хулиганъ—деревенскій интеллигентъ. Онъ газету почитываетъ. Въ политикѣ онъ тоже «сознательный». Сначала онъ противъ царя и «гнилой бюрократіи»; затѣмъ противъ «помѣщиковъ и буржуевъ»; далѣе—противъ «аннексій и контрибуцій» и, наконецъ, онъ в о ц а р и в ш і й с я х у л и г а н ъ—комиссаръ чрезвычайной комиссіи.

Нарожденію хулиганства предшествовало упорно-длительное разрыхленіе народной идеологіи и психологіи. Надо было разрушать скрѣпы, на которыхъ держался старый «реакціонный» бытъ—вѣру, мораль, традиціи. И мы видимъ, какъ втеченіе десятилѣтія хулиганство преподается с в е р х у в н и з ъ.

Интеллигенція возвѣщаетъ эмансипацію отъ „пережившихъ себя традицій“ и стремится освободить народъ отъ физическаго и духовнаго „плѣна“.

Началось съ самаго главнаго,—с ъ в ѣ р ы, являвшейся стержнемъ русской государственности. Что стоитъ „басня“ о Помазанникѣ Божьемъ, если Богъ и религія только выдумки „толстопузыхъ“, корыстныхъ поповъ? „Освобожденіе! Освобожденіе! Долой миражи и басни о небесномъ раѣ. Устраивайте себѣ сами рай земной, соціалистическій“. Взять прямо Христа или Богоматерь въ революціонную брошюрку „освободители“ до поры до времени не рѣшались. Эта пора пришла при развитіи революціи въ большевистскій фазисъ. Поэтому къ развѣнчиванію Церкви приступлено было съ оклеветанія и опорочиванія духовенства.

Епископъ, священникъ и монахъ неизмѣнно изображались въ произведеніяхъ современной литературы въ самыхъ отталкивающихъ обликахъ. Въ Леонидовской „Жизни отца Василія Фивейскаго“, въ разсказахъ Гусева-Оренбургскаго, Серафимовича, Горькаго, Амфитеатрова и тысячи подобныхъ авторовъ—вездѣ православный священнослужитель является либо въ видѣ обжоры, пьяницы, тунеядца, либо въ видѣ психопата-развратника и неистоваго стяжателя и властолюбца. Развѣнчиваніемъ авторитета Церкви было положено начало духовной и моральной анархіи, вылившейся постепенно въ законченный обликъ хулигана, этого властелина русской жизни въ періодъ революціи.

Уже въ произведеніяхъ Горькаго въ его духовномъ босячествѣ мелькаетъ „ликъ звѣриный“ грядущаго хулигана, будущаго красноармейца, товарища-матроса, комиссара.

Вторая скрѣпа и основа старой русской государственности, на которую обрушились удары революціонно-интеллигентскаго молота, было ч у в с т в о с и н а р х і и. Синархія—противуположна анархіи. Синархія—это чувство власти; подчиненіе власти, гражданское и военное подначаліе, въ то время, какъ анархія отрицаетъ власть, необходимость подчиненія.

Въ прежнемъ Русскомъ государствѣ было на лицо о щ у щ е н і е з а к о н н о й в л а с т и. Это именно было не убѣжденіе, не партійный принципъ, а нѣчто большее—о щ у щ е н і е.

Ощущеніе наличія законной власти заставляло критиковать свои собственныя дѣйствія и поступки и дѣлить ихъ на законныя и беззаконныя. Часовой могъ выстрѣлить и убить только п о з а к о н у, только послѣ трехкратнаго предупрежденія и тогда онъ сознавалъ свою правоту, объяснялъ себѣ свой поступокъ, какъ дѣло, необходимое государству. И въ прежнія времена случалось, что солдатъ дезертировалъ, но тогда онъ самъ про себя зналъ, что онъ п р е с т у п н и к ъ, что совершилъ беззаконное дѣло.

А когда при революціи солдатъ дезертировалъ подъ Тарнополемъ, онъ считалъ себя совершенно правымъ, у него не было ни малѣйшаго угрызенія совѣсти въ томъ, что онъ совершилъ преступленіе, ибо и закона то не было, который нельзя „преступить“, да и не было самой законной власти, которую слѣдуетъ слушаться и которая въ правѣ издать законъ.

Разрушеніе авторитета власти достигалось многими путями.

Прежде всего, какъ мы уже указывали, была уничтожена самая близкая къ народнымъ массамъ власть, власть —съ которой соприкасаются всѣ достигшіе совершенолѣтія граждане — власть военнаго начальника, о ф и ц е р а.

Самъ по себѣ русскій солдатъ—крестьянинъ не только не питалъ никакой ненависти или даже зависти къ офицеру, но какъ указываетъ безчисленный рядъ примѣровъ занесенныхъ въ лѣтопись чуть ли не каждаго полка прежней Русской Арміи,—солдатъ—мужикъ зачастую жертвовалъ своей жизнью, что бы спасти жизнь начальника—офицера. выносилъ на своихъ плечахъ командира изъ огня боя, дѣлился съ нимъ послѣднимъ сухаремъ, послѣднимъ глоткомъ воды. Единодушны въ этомъ отношеніи сцѣнки русскаго солдата въ устахъ величайшихъ русскихъ полководцевъ. Суворовъ называлъ своихъ солдатъ «чудо-богатырями»; Кутузовъ—«своими ребятками» и обнималъ чуть ли не каждаго рядового въ строю; Скобелевъ—«орлами»; М. И. Драгомировъ—«святой сѣрой скотинкой». Въ такомъ же трога-

тельно героическомъ обликѣ мы видимъ русскаго солдата-мужика въ произведеніяхъ Льва Толстого, въ эпоху Отечественной войны 1812 года и въ Крымской Кампаніи на Малаховомъ курганѣ. Н и о д и н ъ изъ прежнихъ русскихъ писателей не изображаетъ русскаго солдата ненавистникомъ офицера, будущимъ его палачемъ, сгорающимъ отъ «соціальной зависти» и «ощущенія неравенства».

Ненависть къ офицеру была внушена русскому солдату-мужику с в е р х у, интеллигенціей. Мы уже указывали на новѣйшую русскую литературу, литературу русскаго декаданса, въ которой обликъ офицера искажался до гнусной и злостной карикатуры и такимъ образомъ, внушалась нужная революціонерамъ «священная ненависть», но еще болѣе наглядным становится этотъ процессъ преподанія ненависти с в е р х у в н и з ъ, когда передъ нами проходятъ подлинныя картины жизни недавняго прошлаго, революціи 1905 года.

Нѣсколько такихъ картинъ, запечатлѣно на страницахъ «Историческаго Вѣстника», годъ 1907 г. т. CVII въ запискахъ очевидца перваго «освободительнаго движенія» въ Одессѣ г. Орлицкаго. Записки озаглавлены—«Южно-Русская Республика». Изъ исторіи освободительнаго движенія.

Приводимъ отрывки:

«Въ Одессу я попалъ—пишетъ г. Орлицкій—въ самый круговоротъ начинавшагося освободительнаго движенія. Весьма симпатичный и образованный еврей Сергѣй Самуиловичъ Цуккербергъ, предложилъ мнѣ побывать на митингѣ.

— Вотъ вы увидите и услышите, какъ далеко нашъ пламенный югъ опередилъ вашъ дремлющій сѣверъ—заговорилъ онъ дорогою.

— По какому пути опередилъ?—спрашиваю.

— По пути освобожденія народа отъ гнета администраціи.

— Чтобы подвергнуть его гнету партійному?

— Но гнетъ партійный парламентскихъ партій все же легче гнета самодержавной бюрократіи.

— Легче-ли это еще вопросъ. Но гдѣ же и въ чемъ собственно освобожденіе?

— Подождите, наступитъ и настоящее освобожденіе. Мы провозгласимъ соціальную пролетарскую республику.

«Ого! Вотъ здѣсь до чего уже дошло», подумалъ я и счелъ удобнѣе промолчать.

Мы шли мимо казармъ, по улицѣ запруженной шумящими солдатами, евреями, торгующими всякой дрянью. Налѣво лежало пустынное поле, такъ называемый, одѣсскій ботаническій садъ. Заборъ отсутствовалъ. На притоптанной

муравѣ валялись въ непринужденныхъ позахъ солдаты, женщины, хохлы и полунагіе люди—ракло по здѣшнему. Мы торопливо минули это опасное собраніе.

Митингъ собрался въ убѣжищѣ имени Пушкина, созданномъ на общественное пожертвованіе Навроцкимъ. Теперь убѣжище очутилось въ распоряженіи какого то еврейскаго комитета, который и постановилъ закрыть убѣжище имени Пушкина.

— Печально такое рѣшеніе комитета—говорю Цукербергу.

— Почему? удивился тотъ—тутъ догорають полтора десятка стариковъ—и только. Пусть уходятъ умирать въ другое мѣсто. Зданіе это намъ нужно.

— Безчеловѣчно и несправедливо такое рѣшеніе.

— Вы забываете о необходимости работать въ дѣлѣ освобожденія. Вы забываете какое это удобное мѣсто для митинговъ: огромный театральный залъ на 800 человѣкъ, эстрада и уборныя съ особымъ входомъ во дворъ, по внутренней лѣстницѣ. На случай появленія полиціи, кому надо ускользнуть,—ускользнетъ. Домъ расположенъ за городомъ. Надзора почти нѣтъ. Рядомъ казармы. На митинги попадаютъ солдаты, а это важно... Мы все хлопочемъ о пробужденіи сознательности въ войскахъ. Моряки уже съ нами за освободительное движеніе. Сегодня, надѣемся, въ собраніи будетъ и бравый лейтенантъ Шмитъ. Вотъ увидите и услышите будущаго адмирала Черноморскаго флота, когда мы завладѣемъ эскадрой.

— Когда вы завладѣете эскадрой?—воскликнулъ я пораженный заявленіемъ, по моему тогдашнему убѣжденію, казавшимся совершенно нелѣпымъ.

— Чему удивляетесь, матросы на нашей сторонѣ. Офицеровъ, которые не согласны, Шмитъ обѣщаетъ побросать въ воду. А разъ броненосцы будутъ наши—весь югъ будетъ нашъ. Здѣсь создастся Южная республика съ Крымомъ и плодороднѣйшими землями въ Волыни и Подоліи...

„Въ фойэ театра мнѣ прежде всего бросился въ глаза заплеванный царскій портретъ. Какой-то золотушный еврейчикъ при мнѣ залепилъ дополнительный плевокъ въ злополучный портретъ. Стоящій рядомъ солдатъ возмутился:

— Это что же ты дѣлаешь?—окрысился онъ на него.

— Тирана предаю позору.

— А вѣдь влетитъ тебѣ за это. Императоръ вѣдь! А?!.

— Отъ кого влетитъ?

— А хоша бы отъ меня.

Прибѣжавшая Дора поспѣшила прекратить начавшійся скандалъ: увела солдата, а радикалъ еврейчикъ поспѣшилъ

ретироваться. Неровенъ часъ... Солдатъ, хотя и «сознательный», искалѣчитъ, пожалуй. Въ залѣ солдатика окружила толпа дамъ и студентовъ засыпала его фразами о гнетѣ правительства, нашей полиціи, всеобщемъ воровствѣ чиновниковъ, крупныхъ и мелкихъ, о позорѣ флота и арміи въ Манчжуріи, гдѣ солдатъ морятъ голодомъ, а генералы бездарные и трусливые утопаютъ въ роскоши. Солдатикъ только хлопалъ глазами, повторяя:

— Такъ то оно такъ, а все же не годится плеваться. Императоръ вѣдь, отецъ, выходитъ нашъ. И вдругъ, эфто плевокъ.

— Этотъ еще не совсѣмъ готовъ, — шевеля своимъ крупнымъ носомъ, шепнула мнѣ Дора.—Но другіе солдаты совсѣмъ готовы, а про матросовъ и говорить нечего. Революціонеры и соціалисты всѣ поголовно.

— Соціалисты? Это наши то сѣренькіе матросики?

— А что вы думаете. Они уже не прежніе: мы ихъ перевоспитали. Наши почти постоянно живутъ въ ихъ казармахъ, развиваютъ сознаніе, втолковываютъ. Работа, правда, тяжелая».

Описанные г. Орлицкимъ картины, хотя и относятся къ 1905 году, не утратили своего реализма и въ близкую къ намъ эпоху войны 1914 года. Какъ и въ 1905 году. послѣ первыхъ же выстрѣловъ, возвѣстившихъ въ августѣ 1914 года начало великой міровой бойни революціонная интеллигенція устремила въ армію тысячи, десятки тысячъ своихъ агитаторовъ въ лицѣ сестеръ и братьевъ милосердія, вольноопредѣляющихся. передовыхъ прапорщиковъ — интеллигентовъ, фельдшеровъ. служащихъ земсоюза, горсоюза и военнопромышленныхъ комитетовъ для того, чтобы «развивать сознаніе» въ русскихъ солдатахъ и подготовлять ихъ для будущей революціи. По даннымъ, собраннымъ информаціоннымъ отдѣленіемъ генеральнаго штаба, еще въ первый годъ войны особымъ постановленіемъ эсеровской партіи были распущены тайные комитеты и летучіе боевые отряды эсеровъ и члены ихъ командированы въ дѣйствующую армію, въ госпитали. перевязочные и питательные пункты, въ санитарные поѣзда со спеціальнымъ заданіемъ «бесѣдовать съ солдатами», особенно на тему о Распутинѣ о безцѣльности войны, «гниломъ Петроградѣ» и т. п.. Агитацію предписано было вести словесно, сдѣлавъ ее такимъ образомъ неуловимой и неподдающейся контролю властей. Въ 1915 году на сцену выступаетъ «Революціонный военный союзъ», снабженный обширными денежными средствами и имѣющій нѣсколько легальныхъ организацій въ видѣ всякихъ сборовъ на нужды солдатъ.

Презрѣніе и ненависть къ офицерскимъ погонамъ, широко проявленныя интеллигенціей въ 1905

году за двѣнадцать лѣтъ успѣли привиться народу и воплотились въ жизнь въ лицѣ красноармейцевъ, выбивающихъ гвоздями звѣздочки погонъ на плечахъ русскаго офицера-мученика.

Такому же жестокому штурму подвергалась и гражданская власть въ государствѣ и тутъ уже интеллигентская оппозиція не останавливалась ни передъ какой клеветой, ни передъ какимъ вымысломъ. Наши министерства и вѣдомства вынуждены были чуть ли не ежедневно посылать въ редакціи газетъ опроверженія по поводу измышленій, приписываемыхъ то одному, то другому администратору. Результатъ этихъ опроверженій былъ самый плачевный: обыкновенно они появлялись съ громаднымъ опозданіемъ, искусственно задерживаемыя редакціями, появлялись тогда, когда сообщеніе о «новыхъ злоупотребленіяхъ» уже успѣвало всосаться въ сознаніе общества.

Мы конечно, далеки отъ того, чтобы утверждать, что старая администрація сплошь состояла изъ ангеловъ. Въ Россійской правительственной машинѣ были и крупные и мелкіе недостатки и изъяны, какъ въ каждомъ государственномъ аппаратѣ любого европейскаго государства.

Были и у насъ чиновники-казнокрады, чиновники взяточники, чиновники-карьеристы, равнодушные ко всему, кромѣ своего благосостоянія, и господа изъ интеллигентской оппозиціи поступили бы очень хорошо, если бы вмѣсто того, чтобы только критиковать, пошли оздоравливать «гнилую бюрократію» и замѣнили бы своими ослѣпительными государственными способностями и своей линейной честностью бездарныхъ администраторовъ. Но какъ бы то ни было прежній русскій государственный аппаратъ работалъ въ общихъ чертахъ исправно, обслуживалъ огромную страну съ «лоскутнымъ населеніемъ» сохранялъ ее на всей гигантской территоріи единымъ недѣлимымъ государствомъ, а въ международномъ положеніи—какъ великую державу. Съ того же момента, какъ вмѣстѣ съ послѣдними героями-городовыми была вышвырнута за бортъ и вся старая бюрократія, и управленіе страной перешло въ интеллигентскія «общественныя» руки и градоначальниками сдѣлались лѣвые адвокаты,—Россія въ нѣсколько мѣсяцевъ утратила свою сколоченную вѣками великодержавность, потеряла армію и флотъ и вернулась къ удѣльно-вѣчевому періоду въ видѣ множества враждующихъ между собою республикъ.

Разрушая старую власть, интеллигенція разрушила въ народѣ сознаніе необходимости подчиненія вообще какой либо власти. Разрушила синархическое начало и тѣмъ самымъ посѣяла духовную анархію.

Въ неистовомъ революціонномъ озорствѣ своемъ интеллигентъ-«освободитель» приходилъ въ изступленную радость при каждой новой вѣсти о разрушеніи старой власти, старой государственности, словно деревенскій хулиганъ, который гогочетъ подлѣ подоженной имъ экономіи и визжитъ отъ радости, когда сваливается обгорѣвшая балка.

Этотъ психозъ революціоннаго озорства захлестнулъ и самыхъ просвѣщенныхъ изъ нашей передовой интеллигенціи.

Вотъ нѣсколько образчиковъ этого психическаго заболѣванія хулиганіей. Академикъ, знаменитый писатель И. А. Бунинъ, когда узналъ объ убійствѣ Столыпина, по его собственному описанію испытывалъ слѣдующее:

— «Невозможно теперь представить, до чего мы доходили... Я помню, получилъ я въ деревнѣ извѣстіе объ убійствѣ Столыпина; я бѣгалъ по террасѣ и в и з ж а л ъ отъ радости».

Академикъ, писатель, эстетъ, провозвѣстникъ гуманитарныхъ началъ—«прыгаетъ и визжитъ отъ радости» при извѣстіи, что подлѣйшимъ образомъ убитъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и талантливыхъ государственныхъ людей Россіи,—что это какъ не психическая эпидемія?

Писатель А. В. Амфитеатровъ, жившій въ Италіи въ началѣ революціи, когда получилъ отъ своего пріятеля телеграмму, возвѣщавшую, что протопоповскіе городовые перебиты и рухнулъ вѣковой строй, телеграфируетъ въ отвѣтъ:

— «У меня душа р ы ч и т ъ отъ радости».

И это безъ малѣйшей вдумчивости, безъ малѣйшей тревоги за судьбу Родины, въ которой произошло что то новое, грандіозное, во всякомъ случаѣ к а т а с т р о ф а, послѣдствія коей учтены еще быть не могутъ.

VIII.

К О Н Т Р Ъ-Р Е В О Л Ю Ц І Я.

Если революція въ Россіи не выявила е д и н о й идеи, до тѣхъ поръ пока она не попала на буксиръ къ Интернаціоналу, то и русская контръ-революція также не была единымъ идейнымъ движеніемъ, какъ это было напримѣръ въ Вандеѣ въ эпоху первой французской революціи.

Революція, начиная съ мартовскаго періода, представляла изъ себя въ смыслѣ идейномъ пестрый конгломератъ быстро мѣняющихся лозунговъ и призывовъ, находившихся, какъ уже было отмѣчено, въ рѣзкомъ противорѣчіи другъ

съ другомъ («революція за побѣду и за войну до конца»; «за миръ безъ аннексій и контрибуціей», «за немедленный миръ», «за власть совѣтовъ» и т. д.).

Контръ-революція, начиная съ Корнилова и московскихъ юнкеровъ (ноябрь 1917 г.) являлась не болѣе какъ *движеніемъ по группамъ*, при чемъ эти группы шли за разныя цѣли: казачество въ значительной части боролось только за свою казацкую самостійность, при чемъ до остальной «Московіи», какъ до заграницы ему было очень мало дѣла; офицерство и юнкера боролись съ большевиками, видя въ нихъ *безпорядокъ*, развалъ и уничтоженіе арміи, проигрышъ войны. Но и въ этихъ группахъ было свое дробленіе на мелкія подгруппы—на «цвѣтныя войска» склонныя къ корниловскому республиканству; на монархически-настроенныя части кадроваго офицерства; на Добрармію, имѣвшую свою спеціальную «добровольческую» идеологію; на оріентаціи—союзническую, германофильскую и японофильскую; на «учредиловцевъ», «колчаковцевъ» и «семеновцевъ»; на украинцевъ полковъ гетманскаго, петлюровскаго и «атаманщину»; позднѣе появились теченія махновское, зеленое, синее и т. д.

И только въ послѣднемъ періодѣ первой контръ-революціонной эпохи, когда уже вся территорія Россіи за исключеніемъ Тавріи была сдана большевикамъ, генераломъ Врангелемъ была сдѣлана попытка начать общерусское дѣло и на смѣну сѣвернымъ, южнымъ, добровольческимъ и другимъ арміямъ была создана Русская Армія. Генераломъ Врангелемъ былъ предпринятъ и другой важный шагъ, сдѣлавшій руководимое имъ движеніе, популярнымъ и понятнымъ для главнаго контингента населенія Россіи для русскаго крестьянства, извѣрившагося во всѣ партіи, во всѣ обѣщанія и льстивыя слова: это передача земли въ *собственность* крестьянину.

Сдѣланъ былъ этотъ шагъ просто и рѣшительно, безъ трескучихъ демагогическихъ пріемовъ, которыми обкормили русскій народъ революціонные спеціалисты по «пониманію народныхъ нуждъ», говорившіе не иначе какъ отъ имени всей Россіи. Кромѣ этого крымскому командованію удалось изгнать изъ доставшихся ему деморализованныхъ воинскихъ частей то, что дѣлало ихъ ненавистными для освобождаемаго населенія—«атаманщину», сопровождавшуюся лихимъ ограбленіемъ освождаемыхъ...

Изслѣдованіе стратегическихъ ошибокъ и другихъ конкретныхъ причинъ неуспѣха бѣлаго движенія можетъ быть предметомъ только спеціальныхъ многотомныхъ трудовъ и это дѣло будущаго военнаго историка.

Но помимо этихъ конкретныхъ причинъ, мнѣ кажется существуетъ принципіальное объясненіе неудачъ, постигав-

шихъ всѣ попытки освободить Россію отъ краснаго ига. Это объясненіе заключается въ томъ отсутствіи общей и единой идеи въ антибольшевистскомъ движеніи о которомъ мы говорили выше. Большинство изъ руководителей бѣлыхъ группъ никакъ не хотѣло понять, что большевизмъ является только ч а с т ь ю р е в о л ю ц і и, преемственно связанной со всѣми другими ея частями. И они пытались выступить, противъ ч а с т и революція, заявляя, что въ ц ѣ л о м ъ они ее принимаютъ. Получался вопіющій абсурдъ порождавшій хаосъ въ головахъ тѣхъ человѣческихъ массъ, которыя они призывали идти за собою. Не спеціалисту партійному политику, знающему на зубокъ свои «программные пункты», а простому русскому крестьянину въ солдатской шинели было весьма трудно усвоить искусственную формулу о томъ, что революція— великая вещь; что тѣ, кто шли въ мартѣ съ красными флагами герои, а вотъ большевики, также несущіе это красное знамя и также говорящіе о революціи—злодѣи и ихъ надо истреблять.

Главная сила сопротивляемости большевизма заключается въ цѣлинѣ и однотипности совѣтскаго аппарата. Большевики отвергаютъ всякое „соглашательство“ и объявляютъ контръ-революціей и бѣлогвардейщиной все, что не сомкнуто съ III интернаціоналомъ. Такимъ путемъ большевикамъ удалось создать к р а с н ы й п о л ю с ъ, въ который втягивается все, что дѣйственно-революціонно. Колеблющіеся „мелко-буржуазные“ элементы быстро растворяются въ этомъ аломъ жерлѣ и отливаются въ совѣтскія формы. Такъ на нашихъ глазахъ большевики переварили анархистовъ, поставивъ ихъ на казенно-коштное совѣтское положеніе; такъ они выправили меньшевиковъ и эсъ-эровъ, оставшихся въ Россіи, по коммунистической болванкѣ. Процессъ притягиванія къ красному центру московской революціи продолжаетъ развиваться. Всякій, кто внутренне не отошелъ отъ революціи, для того вѣчнымъ жупеломъ останется реакція и контръ-революція, кто говоритъ, „что бы ни было, только бы не возвращеніе къ старому“—уже плѣненъ большевиками, притягивается и притянется, какъ опилка, къ кремлевскому полюсу. Проф. Гредескулъ, Максимъ Горькій, Валерій Брюсовъ, Блокъ— они не большевики по происхожденію, они „разночинцы“ въ смыслѣ большевистской охлократіи. Но они внутренне солидарны съ революціей и жаждутъ ее видѣть въ качествѣ перманентнаго дѣйства. Можетъ быть, имъ по вкусу была бы революція, расписанная въ нѣсколько иныхъ краскахъ, чѣмъ большевистско-футуристкая, но они пошли за той революціей, которая оказалась сильной и реальной, за большевизмомъ; ихъ увлекъ алый Троцко-буденовскій

клинъ, смертельно вонзившійся въ бѣлый кубъ буржуазіи, и они стали страстными апологетами большевизма. Гредескулы—традиціонные революціонеры. Они подвизались въ 5-омъ году. Они старые знакомые, „однокашники“ всѣхъ тѣхъ, кто сбѣжалъ теперь отъ революціонной Москвы подъ кровлю „буржуазныхъ“ государствъ,—всѣхъ этихъ Абрамовичей, Мартовыхъ, Зензиновыхъ, Керенскихъ, Миноровъ, „бабушекъ“ и „дѣдушекъ“. И они, Гредескулы, зовутъ старыхъ пріятелей назадъ, обѣщаютъ имъ товарищеское прощеніе. Они искренни. Такое прощеніе въ Совдепіи дается за „революціонныя заслуги“. Маруся Спиридонова, обвинявшаяся въ такомъ преступленіи, за которое всякій другой былъ бы немедленно разстрѣлянъ—въ вооруженномъ выступленіи противъ совѣтской власти,—была помилована за „выдающіяся заслуги“ передъ революціей и помѣщена всего на всего въ одну изъ лучшихъ подмосковныхъ санаторій. Гредескулы знаютъ, что если совѣтская власть продлится еще хоть пятилѣтіе, то все революціонное неминуемо притянется къ ея магниту, и они спѣшатъ опередить этотъ процессъ и стать заслуженными охлократами Республики Совѣтовъ.

Красному полюсу революціи не было противупоставлено никакого бѣлаго полюса. Его нѣтъ. Есть лишь отдѣльныя, непрояснившіяся „бѣлыя настроенія“. Есть чувство отвращенія къ кровавому режиму казней и пытокъ, вокругъ которыхъ кривляется символизирующій Совдепію футуристическій шутъ.

Но объединеннаго и мощнаго «теченія встрѣчнаго» періодъ «русской Вандеи» еще не создалъ. Объясняется это той же самой интеллигентщиной, которая, какъ трупный ядъ, проникала въ каждое патріотическое начинаніе и отравляла его, разлагая порывъ антибольшевистскихъ силъ. Адмиралъ Колчакъ приблизилъ къ себѣ эсъ-эровъ и они его разстрѣляли. Деникинскую ставку и добровольческіе «Осваги» растлили Астровы, Федоровы, Каринскіе, Энгельгардты и иже съ ними, вносившіе хаосъ мартовской эпохи, «лепетъ оправданій» передъ идоломъ революціи и всѣ тупые фракціонные страхи передъ грядущей реакціей. И, наконецъ, послѣднее—въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, позорище: парижское совѣщаніе «Учредилки». Въ тѣ дни, когда въ Совдепіи ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ людей, раздѣтыхъ до гола, замученныхъ истязаніями, валятъ, какъ туши, на грузовики и затѣмъ разстрѣливаютъ; въ то время, какъ нимфоманы и истерички чрезвычаекъ Розы и Доры, нанюхавшись кокаину, гнусными пытками терзаютъ православныхъ священниковъ, офицеровъ, юнкеровъ и кадетовъ, когда жизнь всей Россіи превратилась въ горячечный бредъ,—бѣжавшіе въ Парижъ

политическіе аферисты заявляютъ о «непріемлемости интервенціи», т. е. отстраняютъ всякую помощь, которая могла бы быть поданной милліонамъ страдальцевъ.

Трудно въ исторіи найти примѣръ большаго политическаго цинизма! Люди, сбѣжавшіе отъ того пожара, который они сами зажгли на своей Родинѣ, въ отвѣтъ на стоны и мольбы о помощи, которыя несутся оттуда, не спѣша резонируютъ о томъ, что помощи давать не слѣдуетъ, что все образуется «само собой», а мясорубка Дзержинскаго-Троцкаго въ это время можетъ продолжать свою кровавую работу, благо Керенскому, Чернову, Коновалову, Милюкову и и всѣмъ этимъ 33 уродамъ «тепло и не дуетъ» въ Парижѣ, Прагѣ и на различныхъ Cote D'Azur...

IX.

ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Слагаясь усиліями революціонеровъ въ теченіе десятилѣтій революція въ Россіи была вызвана къ жизни ужасной и безсмысленной войной 1914 года. До этого фатальнаго года она была лишь угрозой, лишь призракомъ, неспособнымъ сокрушить ходъ жизни гигантскаго государства, аппаратъ котораго, несмотря на многіе дефекты, работалъ отчетливо и исправно. Война прыснула призракъ кровью и онъ ожилъ, превратившись въ живого демона хаоса и разрушенія. Расчеты теоретиковъ революціонной доктрины на то, что революція будетъ деликатной и безкровной, были опрокинуты смерчемъ дѣйствительныхъ событій. Ни въ одной странѣ, включая сюда и боксерское движеніе въ Китаѣ, не совершалось такихъ длительныхъ систематическихъ звѣрствъ и злодѣяній какъ въ Россіи съ марта 1914 года по тѣ дни, когда пишутся эти строки. Воскресли пытки, появились орудія пытокъ, въ подлинное примѣненіе которыхъ плохо вѣрилось, когда бывало приходилось разсматривать ржавые «испанскіе сапоги», клещи и дыбы въ музеяхъ и паноптикумахъ.

Но оживленная войной революція въ Россіи и не могла быть никакой иной, какъ той, какой она есть: свирѣпо-кровавой и разрушительной—какъ катаклизмъ. Сама война внушила народнымъ массамъ импульсы жестокости и озлобленія и превратила убійство грабежъ и пытку въ обычное дѣло, послѣ котораго убійца отеревъ руки, съ апетитомъ кушаетъ и мирно спитъ.

Съ 1917 года революція въ Россіи пережила не два, какъ увѣряютъ поверхностные газетные историки періода мартовскій и октябрскій,—а цѣлый рядъ фазъ, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга по своей психологіи. Даже боль-

шевизмъ не представлялъ изъ себя цѣлостнаго настроенія, и первый іюльскій, затѣмъ второй октябрскій анархобольшевизмъ, шедшіе подъ единодушнымъ солдатскимъ лозунгомъ—«долой войну», нисколько непохожи на нынѣшній совѣтскій милитаризмъ со знаменитыми, «красными генералами», украшенными алыми звѣздами, со ставкой главковерха Троцкаго, окруженнаго плеядой генштабовъ, съ возстановленнымъ плацъ-парадомъ и отданіемъ «революціонной чести».

Совѣтскій милитаризмъ было размахался и мечталъ о далекихъ походахъ и міровыхъ завоеваніяхъ. Извлечены были изъ архивовъ главнаго штаба старые планы о походѣ на Индію черезъ Персію, большевистскіе маршалы грезили о «Красномъ Царьградѣ». На всей революціи въ Россіи вплоть до совершенной ея стадіи лежитъ о т п е ч а т о к ъ в о й н ы. Это первая въ исторіи міра подлинно в о е н н а я р е в о л ю ц і я. Классъ, который въ ней принималъ главное, активное участіе,—это не рабочіе и крестьяне, а в о е н щ и н а, т. е. милитаризованные рабочіе и крестьяне.

Въ этомъ смыслѣ революція въ Россіи открыла новую эру для всѣхъ дальнѣйшихъ революцій. Въ какихъ бы странахъ ни произошли революціи, отнынѣ онѣ будутъ «революціями военными», типа пронунціаменто въ увеличенномъ масштабѣ, ибо это самый простой и рѣшительный способъ разрушенія атакуемой государственности силой той самой арміи, которая призвана ее охранять. «Компактность» этого метода заключается въ томъ, что вмѣсто того, чтобы строить баррикады и идти на дворцы, достаточно распропагандировать армію изнутри, перебить вѣрныхъ долгу офицеровъ и «избрать начальниковъ» изъ худшихъ, аморальныхъ элементовъ командного состава.

Въ революціяхъ обычно наблюдается непреодолимая склонность провести къ власти наихудшихъ. Русская революція въ этомъ отношеніи побила всѣ рекорды. Рокъ, толкавшій Россію въ пропасть не удовлетворился простыми глупцами и заурядными аферистами эпохи временнаго правительства. Понадобились сверхъ-негодяи и изступленные злодѣи въ родѣ Дзержинскаго, Бронштейна, палача Саенко, Доры-Перчаточницы. Тутъ демонъ революціи какъ будто бы почувствовалъ себя удовлетвореннымъ и зафиксировалъ революцію въ большевистскую форму на длительное время.

Въ настоящее время большевизмъ представляетъ изъ себя кристализовавшійся охлократическій строй въ лицѣ Россійской соціалистической республики съ ея неслыханно развитой бюрократической машиной съ бытовымъ произволомъ мелкихъ мѣстныхъ тирановъ, съ узаконенными пытками и безсудными расправами въ чрезвычайкахъ.

Такимъ образомъ, большевизмъ какъ бы является искомой формой русской революціи, въ которую, преодолѣвъ хаосъ революціоннаго псевдоклассицизма стремилось вылиться и наконецъ вылилось многолѣтнее русское революціонное движеніе.

Можно было бы сказать, что большевизмъ является національной формой русской революціи, однимъ изъ исконныхъ методовъ которой служитъ погромъ въ широкомъ смыслѣ и во всѣхъ варіаціяхъ и раздольная, какъ Волга во времена Разина анархія, если бы въ русскій анархо-большевизъ не врѣзался стальной клинъ юдаизма, давшій ему свою іерархію, по древней библейской системѣ съ тайными судилищами въ образѣ чрезвычаекъ и съ несмѣняемымъ синедріономъ въ лицѣ безсмѣннаго верховнаго совнаркома.

Дѣятельность большевиковъ заграницей теперь уже не представляетъ секрета. Чуть ли не ежедневно въ крупнѣйшихъ вліятельныхъ газетахъ Англіи, Франціи, Италіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, появляются подробныя свѣдѣнія о работѣ совѣтскихъ агентовъ въ государствахъ Западной Европы и Америки, о громадныхъ суммахъ, бросаемыхъ московскимъ совнаркомомъ на субсидированіе соціалистическихъ изданій, на подкупъ отдѣльныхъ депутатовъ, о тайныхъ коммунистическихъ центрахъ и т. д. Военные спеціалисты стараются предугадать и расшифровать планы совѣтскаго милитаризма. Одни предвидятъ, что красная армія сдѣлаетъ прыжокъ на Польшу; другіе — на Румынію. Третьи, основываясь на цифровыхъ данныхъ, оглашенныхъ на коммунистическомъ съѣздѣ, рисующихъ дѣло коммунистской пропаганды въ Европѣ въ весьма неблестящемъ видѣ, полагаютъ, что большевики «подождутъ съ Европой» и устремятся на Востокъ, и, главнымъ образомъ, устремятся въ Индію, «къ той сказочной Индіи (рѣчь Радека на первомъ съѣздѣ народовъ Востока 2 сентября 1920 г.) которая кровью индусскихъ крестьянъ кормитъ англійскихъ капиталистовъ, кормитъ биржу Лондона, которая создаетъ возможность младшимъ сынамъ англійской буржуазіи наживать милліоны и при помощи этихъ милліоновъ послѣ устраивать у себя на родинѣ жизнь паразитовъ».

Движенію на Востокѣ большевики, повидимому, дѣйствительно придаютъ первѣйшее значеніе и считаютъ, что именно при помощи поднявшихся «громадныхъ странъ» Востока будетъ достигнута главная цѣль: будетъ сметена старая капиталистическая культура, чтобы дать мѣсто новому пролетарскому міру. Радекъ объ этомъ заявилъ прямо: «капиталисты всего міра говорятъ объ опасности съ Востока, говорятъ, что, когда возстанутъ 300 милліоновъ индусовъ, 400 милліоновъ китайскихъ кре-

стьянъ, то тогда придетъ моментъ гибели человѣческой культуры. Мы видѣли эту культуру, мы видѣли и ее въ огнѣ шрапнелей, на поляхъ сраженій, мы видѣли ее въ развалинахъ домовъ и городовъ. Культура капиталистическая означаетъ смерть всякой культуры. Капитализмъ не въ состояніи обезпечить намъ даже участи животнаго, котораго кормятъ. И чѣмъ скорѣе эта культура погибнетъ, тѣмъ лучше»...

Однако, Радекъ сознается, что привитіе коммунистическихъ идей «сѣдому и неподвижному Востоку» — должно быть процесомъ весьма медлительнымъ и труднымъ.

«Бросая кличъ священной войны противъ Антанты — говоритъ Радекъ—и въ первую очередь противъ англійскаго капитала, мы знаемъ, что не побѣдимъ сегодня, что намъ придется еще долго бороться. именно потому, что народныя массы Востока развиваются медленно. Извѣстія о побѣдахъ красной арміи, о борьбѣ англійскаго, французскаго, итальянскаго пролетаріата должны д о л г о е в р е м я бродить по равнинамъ и пустыннымъ горамъ, пока они попадутъ къ крестьянину въ Индіи и Египтѣ и скажутъ ему: вставай, подымайся, рабочій народъ!».

Почти то же самое мы находимъ и въ рѣчахъ другого столпа совѣтской внѣшней политики Зиновьева.

«Мы имѣемъ два потока—заявилъ Зиновьевъ на томъ же съѣздѣ народовъ Востока въ Баку—Одинъ—очень быстрый, бурный и мощный это потокъ рабочей пролетарской, коммунистической борьбы въ Россіи и Германіи, Франціи, Италіи, который повсюду ширится: но есть еще и другой потокъ, еще недостаточно сильный, мѣстами дѣлающій зигзаги—это движеніе угнетенныхъ національностей, которыя не выбрали еще свою дорогу, которыя еще не знаютъ точно, чего они хотятъ, но чувствуютъ, что спину третъ лямка, что на ихь шеѣ сидитъ верхомъ французскій и англійскій капитализмъ... Это требуетъ м н о г и х ъ л ѣ т ъ работы. Мы съ осторожностью подходимъ къ религіознымъ вѣрованіямъ трудящихся массъ Востока».

Но чьи бы прогнозы ни оказалось болѣе прозорливыми. тѣхъ ли, кто вѣритъ, что совѣтскій имперіализмъ ринется раньше на Европу, пробивъ себѣ «корридоръ» черезъ «бѣлую Польшу» или тѣхъ, для кого ясны большевистскіе замыслы на Востокѣ—теперь стало совершенно ясно: с о в ѣ т с к а я а в а н т ю р а д о л ж н а д в и г а т ь с я.

Пребывать въ длительномъ состояніи покоя она не можетъ, сколько бы совѣтскіе оффиціозы ни распинались о возвращеніи къ мирному труду, сколько бы приказовъ не отдавалъ Троцкій о превращеніи красной арміи въ «армію труда». И именно потому невозможно такое «замиреніе»

большевизма, что русская революція во всѣхъ ея фазахъ не переставала быть р е в о л ю ц і е й в о е н н о й. Нельзя распустить красноармейцевъ по домамъ, потому что одинъ мѣсяцъ, проведенный ими въ родной деревнѣ, теперь голодающей и высосанной коммуною, превратитъ ихъ въ повстанцевъ, умѣющихъ владѣть оружіемъ и это оружіе надежно прятать. Невозможно это и потому, что русская революція даже приведенная въ отчетливую систему совѣтовъ, оказалась рѣшительно безплодной въ творческомъ отношеніи. Она по существу своему паразитарна и способна только къ высасыванію уже готовыхъ жизненныхъ соковъ страны, доставшихся по наслѣдству отъ прежней государственности. Вначалѣ, въ мартовскій періодъ, революція стремительно сожрала верхніе покровы,—готовый, налаженный государственный аппаратъ, развалившійся подъ ея челюстями такъ основательно, какъ будто надъ государствомъ пронеслись цѣлыя столѣтія войнъ. Потомъ она объѣла промышленность и магазины превратились въ опустошенные склепы. Наконецъ она вгрызлась въ нутро націи и обгладываетъ теперь деревню. Близокъ день, когда коммунистическій вампиръ о т в а л и т с я отъ истощенной Россіи и полѣзетъ туда, гдѣ есть еще жизненная сила — на Востокъ или Западъ это зависитъ отъ цѣлаго ряда причинъ, ибо совѣтская политика всегда идетъ по линіи р е а л ь н ы х ъ д о с т и ж е н і й. И для того, чтобы революція въ Россіи хотя кому нибудь пошла на пользу, необходимо, чтобы другіе народы попристальнѣе всмотрѣлись въ мрачный русскій опытъ.

X.

МІРОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Каково же значеніе русской революціи, послѣдовательно, этапъ за этапомъ, вылившейся въ большевистско-совѣтскую тиранію, для всего человѣчества?

Старые русскіе славянофилы всегда предсказывали, что Россіи предназначено исполнить нѣкую премірную миссію, что съ Востока придетъ свѣтъ, который озаритъ вселенную.

Наступилъ грозный часъ, когда предсказаніе сбылось и Россія, дѣйствительно, выполнила великую миссію передъ всѣмъ міромъ. Россія во время революціи превратилась въ гигантскій жертвенникъ, на которомъ огромная, молодая, цвѣтущая нація была заклана во славу новаго Молоха, во славу соціализма. Гюставъ Лебонъ въ своей замѣчательной книгѣ (Психологія соціализма) говоритъ, что съ соціализмомъ и съ соціалистами совершенно безполезно бороться путемъ логики и разума, путемъ научныхъ доказательствъ

абсурдности соціалистической утопіи, и потому безплодно, что соціализмъ есть прежде всего в ѣ р о у ч е н і е, своего рода религія. Лебонъ утверждаетъ, что единственное средство успѣшной борьбы съ соціализмомъ есть о п ы т ъ, и Леббнъ предсказывалъ, что наступитъ день, когда какая-нибудь страна продѣлаетъ этотъ опытъ и выпьетъ до дна всю отравленную чашу. И видя, какъ послѣ такого опыта эта страна въ страшныхъ мукахъ у м р е т ъ въ смыслѣ политическомъ, экономическомъ и моральномъ, другіе цивилизованные народы поймутъ, къ чему ведетъ соціализмъ, и борьба съ нимъ пріобрѣтетъ новые стимулы, новую, и с п ы т а н н у ю н а к р о в и потенцію. Гюставъ Лебонъ полагалъ, что такой страной окажется Италія. Судьба разсудила иначе и на вивисекціонномъ столѣ оказалось распластаннымъ окровавленное тѣло Россіи...

Ставка соціализма въ историческомъ смыслѣ проиграна безвозвратно. Я этимъ не хочу сказать, что соціализмъ исчезнетъ сегодня, завтра и что человѣчество, отряхнувшись отъ власти жестокаго, темнаго и узкаго сектантства, пойдетъ по пути истиннаго прогресса, который не можетъ быть основанъ только на «равенствѣ желудковъ», на удовлетвореніи инстинктовъ животной стороны человѣка, а покоится на духовномъ его совершенствованіи, на облагораживаніи человѣческой природы, на служеніи вѣковѣчнымъ идеаламъ добра, красоты и знанія. Нѣтъ, конечно, этого отрезвленія „завтра“ не случится. Человѣческія заблужденія не проходятъ такъ быстро. Самые уродливые разоблаченные божки цѣпко держатся за свою власть надъ душами и даже страшная картина гибели Россіи не заставитъ другіе народы сразу одуматься. Но въ лучшихъ умахъ цивилизованныхъ націй, въ тѣхъ умахъ, которымъ принадлежитъ будущее, процессъ уже совершился. Если не это, то другое, третье, четвертое поколѣніе научится разрѣшать экономическія и соціальныя проблемы методами, далекими отъ политическаго изувѣрства марксистовъ. И доказательствомъ того, что такое просвѣтленіе уже совершилось, что уже закипѣла работа человѣческой мысли надъ эмансипаціей современной государственности отъ власти соціалистической секты у насъ передъ глазами. Посмотрите, какъ забезпокоились, какъ засуетились вожаки соціалистовъ, эти—либо безсовѣстные демагоги, построившіе свое благополучіе на обманѣ массъ, либо слѣпые фанатики, жрецы темнаго культа: какъ они стараются доказать, что большевики—не настоящіе соціалисты и не настоящіе революціонеры, а вотъ они-де, меньшевики, эсъэры правые и лѣвые и т. п.,—подлинные соціалисты и что надо ихъ пустить къ власти, и тогда наступитъ обѣщанный Марксомъ соціалистическій рай на землѣ. Психологія

этихъ людей понятна. Они видятъ, что если рабочія и крестьянскія массы, которыя они такъ долго дурачили, раскусятъ въ чемъ дѣло, то весь гнѣвъ этихъ массъ обрушится на нихъ, вожаковъ и лидеровъ соціализма, и гнѣвъ этотъ будетъ ужасенъ... И имъ ничего другого не остается, какъ поддержать и затянуть обманъ, увѣряя, что большевики—это плохіе жрецы, а что они вотъ настоящіе призванные служители алаго идола «трудящихся и бѣдныхъ».

Съ «великой и безкровной» давно уже сползли всѣ покрывала, окутывавшія революцію, дѣлавшіе ее таинственной, прекрасной феей,—и предстала она съ кровавымъ оскаломъ своей пасти звѣря во всемъ своемъ чудовищномъ уродствѣ. И посмотрите, какъ всѣ эти «вожди и герои» революціи лихорадочно собираютъ клочья разметанныхъ покрывалъ, какъ стараются снова прикрыть революцію флеромъ красивыхъ фразъ, какъ истерически кричатъ о вторичномъ «пріятіи революціи», о необходимости беречь «мартовскія завоеванія»! Для вящаго затемнѣнія они корчатъ изъ себя какихъ то третьихъ («ни Ленинъ, ни Врангель») и пускаютъ безсмысленный лозунгъ о «борьбѣ съ большевиками справа и слѣва». Чуя свою неминуемую конечную гибель, видя скандальный провалъ всей своей секты, они стремятся хоть отдалить немного страшный день судный и кричатъ о «заговорахъ», о «контръ-революціи», въ которую они стараются втиснуть всѣхъ, кто не съ ними, всѣхъ, кто имъ не на руку, т. е. весь преданный ими на пропятіе русскій народъ и даже всѣхъ тѣхъ иностранцевъ съ благородной душой и рыцарскимъ сердцемъ, которые поняли русскую трагедію и расшифровали политическихъ аферистовъ, всѣхъ ихъ Керенскихъ, Зензиновыхъ, Миноровъ, Гредескуловъ, Горькихъ, Черновыхъ, Рудневыхъ, Авксентьевыхъ, Коноваловыхъ и другихъ могильщиковъ великой Россіи.

Истина выплываетъ. И главный міровой смыслъ русской революціи тотъ, что **большевизмъ и есть настоящій осуществленный соціализмъ**. До тѣхъ поръ, пока соціализмъ пребываетъ *кафедральнымъ*, пока онъ только на страницахъ газетъ и журналовъ, на лекціяхъ и митингахъ—на немъ держится позолота нѣкоего демократическаго и гуманитарнаго ученія. Но какъ только онъ завладѣваетъ жизнью государства,—онъ становится тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ Совдепіи, съ че-ка, голодомъ, упраздненіемъ самой элементарной свободы, становится царствомъ ужаса и кошмара. Наступило время, когда многіе даже изъ революціоннаго стана вынуждены въ этомъ открыто сознаться.

«Два основныхъ тезиса—пишетъ г. Минскій,—на которыхъ построенъ весь марксизмъ,—захватъ власти пролета-

ріатомъ и нахожденіе этой власти въ рукахъ соціалистической партіи, какъ авангарда рабочаго класса,—эти два догмата марксизма были свято осуществлены большевиками».

«Мы должны понять—продолжаетъ г. Минскій,—что, принимая марксизмъ, мы вынуждены будемъ принять выросшій изъ него большевизмъ».

Та же мысль высказана въ статьѣ К. П. Крамаржа, озаглавленной «Россія на распутьи» («Общее Дѣло» № 187).

«Соціализмъ, какъ лозунгъ для цѣлаго государства—говоритъ Крамаржъ,—большевистскимъ экспериментомъ потерпѣлъ роковое крушеніе. Большевизмъ есть ничто иное, какъ интегральный соціализмъ, осуществленный въ цѣломъ государствѣ, во всей его внутренней жизни. Нельзя себѣ представить болѣе полнаго провала. Мужики оказались,—какъ иначе и нельзя было ожидать,—самыми ярыми собственниками именно въ отношеніи земли, отобранной у помѣщиковъ. Россія имѣетъ послѣ разгрома прежней буржуазіи новую буржуазію, которая будетъ всѣми силами и средствами защищать новую собственность. И такъ, соціализмъ для всѣхъ въ будущемъ представляетъ лишь невозможную утопію. Индивидуальная собственность только теперь будетъ основой соціальной жизни въ Россіи.

Русскій соціализмъ ограничится защитой интересовъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи его роль будетъ очень велика и важна. Вакханалія собственности не смѣетъ идти такъ далеко, чтобъ взять у рабочаго имъ пріобрѣтенное, поскольку оно не является привиллегіей во вредъ всей хозяйственной жизни страны. Политика государства не можетъ быть соціалистическая, но она должна быть соціальная, справедливая къ рабочему классу, должна дать рабочему все, на что онъ въ хозяйственномъ и культурномъ отношеніи имѣетъ полное право. Было бы самой близорукой политикой заставить рабочихъ жалѣть о большевизмѣ, въ которомъ они такъ разочарованы».

Надо слишкомъ уже презирать тѣ самыя «демократическія массы», за которыя такъ распинаются господа соціалисты, чтобы дурачить ихъ разсказами о томъ, что были двѣ революціи, одна перваго сорта—мартовская, а другая второго сорта—октябрьская; что первую нужно беречь, а вторую уничтожить посредствомъ первой; что большевики плохіе соціалисты, а меньшевики и эсъ-эры хорошіе и при нихъ будетъ все прекрасно.

Цивилизованныя государства Европы и Америки, считающія несовмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ авангарда человѣчества, несовмѣстимымъ съ принципами гуманитарной цивилизаціи, на которой зиждется культура всего

міра, проходитъ молча мимо страданій «маленькихъ народностей», которыя считаютъ своимъ долгомъ протестовать противъ армянскихъ и еврейскихъ погромовъ, которыя снаряжаютъ международный корпусъ для обезпеченія правильности виленскаго плебисцита—эти государства не могутъ безъ тяжкаго моральнаго ущерба для своихъ же народовъ пройти молча мимо неслыханныхъ мукъ великой націи, по словамъ Уэльса «погрузившейся во мракъ».

И помочь Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самимъ себѣ, цивилизованныя государства міра могутъ не словами, не обмѣномъ дипломатическихъ нотъ съ бандитами, засѣвшими въ Московскомъ Кремлѣ, не торговлей съ громилами,—ограбившими не только русскій народъ, но и многихъ иностранныхъ гражданъ, а только дѣйствіемъ.

Будетъ ли это военной интервенціей, о которой теперь столько спорятъ?

Это будетъ помощью сильнаго, оказываемой слабому, бьющемуся въ лапахъ палача.

Тогда и тотъ англичанинъ, который вырвалъ избиваемую женщину, жену русскаго офицера, изъ рукъ русскихъ большевиковъ, тоже совершилъ «военное вмѣшательство во внутреннія дѣла другой страны». Тогда всѣ громкія слова о братствѣ народовъ, объ освободительной войнѣ за право и справедливость, объ общеловѣческой цивилизаціи не болѣе какъ пустая фразеологія, превращающаяся въ насмѣшку надъ всѣмъ тѣмъ, чему служили величайшіе геніи и гуманисты, которые вывели человѣчество изъ мрака полузвѣриннаго существованія отдаленныхъ эпохъ на путь прогресса.

Это будетъ не завоевательная интервенція.

Это будетъ великая экспедиція международнаго краснаго креста поднявшагося на помощь милліоннамъ сестеръ и братьевъ, томящихся въ плѣну у обезьянъ.

Россія выполнила завѣщанную миссію,—совершила жертвенный подвигъ, отдавъ за будущее счастье человѣчества свое тѣло подъ ножъ соціалистическаго опыта. Соціализмъ не прогрессъ, не будущее, а регрессъ, величайшее попятное движеніе, отбрасывающее страну, его принявшую, не на сотню лѣтъ,—а на сотни вѣковъ назадъ, въ глубокую темь пещерныхъ эпохъ.

И чѣмъ скорѣе другіе народы поймутъ этотъ смыслъ великой русской трагедіи, чѣмъ полнѣе используютъ для борьбы съ міровымъ зломъ соціализма страшный русскій опытъ, тѣмъ легче будетъ послѣдній сонъ въ преждевременныхъ могилахъ безчисленныхъ жертвъ русской революціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

стран.

Предисловіе — — — — — — 3.

I. Была ли революція 1917 года военной необходимостью? — — — — — 4.

II. Революціонный псевдоклассицизмъ — — 11.

III. Учредилка — — — — — — 16.

IV. Истоки большевизма — — — — 23.

V. Параллели — — — — — — 26.

VI. Интеллигенція въ Россіи — — — — 28.

VII. Зарницы — — — — — — 37.

VIII. Контръ-революція — — — — — 45.

IX. Военная революція — — — — — 49.

X. Міровое значеніе русской революціи — — 53.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK265.17
.I85
1921

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

Ч 29

Типографія «ЗА РУБЕЖОМЪ».
Rue Koumbaradji, 84.